

**ПРИВОЛЖСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР**

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В XXI ВЕКЕ**

**Сборник материалов
I Международной научно-практической конференции**

20 февраля 2013

Научно-издательский центр «Коллоквиум»

Йошкар-Ола • 2013

УДК 34
ББК 67
П78

Ответственный за выпуск:

*А. В. Бурков, д-р. экон. наук, профессор
Академии управления и права (Йошкар-Олинский филиал)*

- П78 **«Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке», I Международная науч.-практ. конф. (2013; Йошкар-Ола).** I Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке», 20 февраля 2013 г. [Текст]: [материалы] / Приволжский научно-исследовательский центр. – Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2013. – 100 с.

ISBN 978-5-905371-43-1

В сборник вошли доклады, признанные лучшими на I Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке», состоявшейся 20 февраля 2013 года в г. Йошкар-Ола.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 34
ББК 67
П78

© Коллектив авторов, 2013
© ООО «Коллоквиум», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 5 | **А.Е. Жунисбай, А.А. Алайдаров**
Роль правосознания и правовой культуры в обеспечении стабильного развития Казахстана
- 10 | **Е.М. Терехов**
Правоинтерпретационная политика органов внутренних дел: понятие и существующие проблемы
- 16 | **М.С. Поройко**
Основные учения о праве в строении правовой системы Российской Федерации
- 22 | **И.Г. Назаров**
Суверенная демократия в России – новое явление нынешней действительности

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

- 28 | **О.А. Кравченко**
Вопросы правовых гарантий определения результатов выборов
- 32 | **М.И. Литовкина**
К вопросу организации контроля лекарственной безопасности за рубежом

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

- 45 | **К.В. Дядюн**
К вопросу о признаках объекта преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ
- 50 | **О.Ю. Овчухова**
Современный правовой статус прокурора в гражданском процессе

- 54 | **М.К. Самалдыков**
Киберпреступления в концепции проекта
УК Республики Казахстан

**ПРОБЛЕМА КОРРУПЦИИ И ПУТИ
ЕЕ ЛИКВИДАЦИИ**

- 59 | **А.В. Лепешкина, О.С. Пустошинская**
К вопросу об осмыслении феномена коррупции
в различных науках

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

- 65 | **В.Г. Филиппов**
Ликвидация коммерческих организаций
в принудительном порядке
- 71 | **Д.И. Беляева, Е.А. Флоря**
Перспективы развития медиации (посредничества)
в Российской Федерации

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 75 | **Н.Н. Палаксова, И.А. Владимиров**
Право землепользования

**ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО
И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

- 79 | **К.Л. Сазонова**
Действующая система универсальной коллективной
безопасности: основные международно-правовые
проблемы
- 85 | **Ж.М. Аманжолов**
Поддержание регионального мира
и безопасности и роль статьи 52 УСТАВА ООН
в его правовом обеспечении

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

А.Е. Жунисбай, А.А. Алайдаров

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА

В обеспечении организованности и дисциплины большая роль принадлежит упрочению правовой основы государства: совершенствованию законодательства, укреплению законности, правопорядка, развитию и обеспечению прав и свобод человека, достижению высокого уровня правовой культуры личности. Укрепление дисциплины и организованности, развитие демократизма во многом зависят от уровня правосознания людей, от правильного понимания каждым гражданином своих прав и свобод и умения их использовать, от готовности исполнять свои обязанности, поступать всегда в соответствии с законом. Поэтому стратегия правительства на дальнейшее упрочение правовой основы государственной и общественной жизни требует необходимость совершенствования в новой форме и содержания правового воспитания в республике. В этом комплексе задач необходимо отметить своеобразную роль сотрудников правоохранительных органов, деятельность которых непосредственно связана с уголовным, уголовно-процессуальным, административным и другими отраслями права.

В комплексе различных отношений необходимость повышения уровня правовой социализации вызвана и возросшим вниманием государственной политики, правоохранительных органов, трудовых коллективов и социально-политических институтов к предупреждению правонарушений в республике. И поэтому

предстоит по-новому разработать вопросы об объективных и субъективных факторах, определяющих сознание личности, о соотношении знаний и убеждений в его структуре, о направленности установок и ценностных ориентаций, о природе социальной активности и других компонентов сознания и поведения. На наш взгляд, уместно отмечается учеными, что «наследие тоталитаризма будет ощущаться долго, но особенно оно дает о себе знать в современный переходный период. Моральные и правовые болезни общества зашли столь далеко и приняли такой угрожающий характер, что стали мощным тормозом проводимых экономических, социально-политических, правовых и иных преобразований» [1, с. 4].

Правовая культура общества представляет собой совокупность всех компонентов юридической надстройки в их реальном функционировании в целях прогрессивного развития социального организма при использовании правовой формы регулирования общественных отношений и воздействия на сознание людей [2, с. 46]. Повышение уровня правовой образованности и культуры населения, преодоление правового нигилизма представляет собой важную часть повышения правовой культуры общества. В той же мере и проблемы государственного устройства тесно связаны с повышением уровня правовой культуры на практическом, административно-организационном уровне. По мнению ученых, правовая культура может проявляться в четырех основных состояниях: идеолого-психологическом; нормативном, фиксируемом совокупностью норм права; поведенческом, указывающем на характер правовых действий; объективированном, закрепляющем результаты правовой деятельности. Исследование этих состояний правовой культуры необходимо вести в оценочном контексте, с позиций различных субъектов. Также важным является степень проявления правовой активности у различных слоев населения в различных ситуациях [3, с. 308]. В социально-психологическом плане правовая культура, как правовая система в целом, характеризуется единством правовой нормы и реального поведения людей; совпадения норм и ценностей; достижения социальной эффективности права.

Следовательно, интегрированные качества правовой культуры не ограничиваются ролью нормативного ориентира. Ее целью

является активное вторжение в социальную среду, воздействие на сформировавшиеся установки, направление членов коллективов и социальных групп к пониманию необходимости прогрессивных норм правового поведения. Тем самым правовая культура обеспечивает включенность индивидов и коллективов в единую систему социальной организации. Но надо заметить, что фактическое состояние правовой культуры может подчас существенно отличаться от официальных установок и идеальных образцов. Различно знание права, разным является и отношение к нему со стороны классов социальных групп и индивидов. Культура включает общечеловеческие, классовые, национальные, групповые ценности, представления и идеалы, мысли и деятельности, образцы поведения и так далее – все это относится и к правовой культуре [4, с. 495].

Одним из элементов высокой культуры выступает правосознание человека – представление о духовных ценностях личности и общества с субъективной стороны. Оно выражается в чувствах, представлениях, идеях, но не в материализованном виде. В этом аспекте интересен вопрос о механизме воздействия права на общественное сознание, общественные отношения. В этих целях необходимо освоить такую категорию, как правовая культура, которая используется для характеристики правовой системы страны. При анализе правовой культуры общества рассматривают правовые феномены, описывают и приводят понятия ценностей, идеалов и достижений в правовой сфере, которые отражают объём прав и свобод человека и степень его защищённости в данном обществе. «Правовая культура – это качество правовой жизни общества и степень гарантированности государством и обществом прав и свобод человека, а также знание, понимание и соблюдение права каждым отдельным членом общества» [5, с. 6].

Под правовой культурой понимается «определённый уровень правового мышления и чувств, восприятия правовой действительности», а также «надлежащая степень знания населением законов и высокий уровень уважения норм права, их авторитета». Правовая культура включает в себя «специфические способы правовой действительности (работа правоохранительных органов, конституционный контроль и т.д.)»

[6, с. 148], законы и системы законодательств, судебную практику как результат правовой деятельности.

Правовая культура во многом определяется такими факторами, как деятельность граждан по реализации права. Уровень развития правовой культуры населения должен быть зафиксирован в реальной правовой деятельности, которой занимаются юристы. При непосредственном, каждодневном соприкосновении с правовыми явлениями у них вырабатывается профессиональная правовая культура. Им свойственен более высокий уровень правовой культуры. Юристы должны обладать системой правовых знаний, а также навыков и умений, которые способствуют разрешению сложных ситуаций. «Уровень профессиональной правовой культуры, т.е. правовой культуры профессионалов-юристов, определяется степенью развитости культуры каждого юриста, т.е. степенью общего образования, уровнем его квалификации. Каждый юрист на своем рабочем месте должен соответствовать своей профессии и тем самым укреплять не только свой престиж, но и престиж сообщества юристов» [7, с. 270]. Профессиональная культура юриста включает в себя: 1) знание законодательства и возможностей юридической науки; 2) убежденность в необходимости и социальной полезности законов и подзаконных актов, в ценности права как меры свободы и справедливости; 3) умение пользоваться в повседневной деятельности правовым инструментарием законами и другими правовыми актами, юридической техникой, достижениями юридической науки и практики. Профессионализм и справедливость торжествуют в юридической практике лишь тогда, когда юрист как служитель закона честно исполняет свой морально-правовой долг, постоянно повышает мастерство и находится на уровне последних достижений теоретической и практической юриспруденции.

Таким образом, граждане и должностные лица обязаны иметь высокие правовые знания, правовую культуру, правовое сознание, уважение к праву, его соблюдение должны превращаться в обычные правила жизни общества.

В правовом государстве предусматривается значительное развитие юридического образования и знания, правовых наук,

расширение пропаганды опыта работы правоохранительных органов и судов. Правовые нормы должны отражать реальное состояние и особенности общественных отношений в стране на основе опыта передовых стран мира.

Список литературы:

1. Баймаханов М.Т., Вайсберг Л.М., Бейсенова А.У. и др. Взаимодействие правового сознания с моралью и нравственностью в обществе переходного периода. Алматы, 1995. С. 4.
2. Правосознание и правовая культура сотрудников ОВД. Л., 1981. С. 46, 47.
3. Оспанов С.И. Социология права. Алматы, 2002. С. 308, 309.
4. Сальников В.И. Правовая культура // Общая теория права. М., 1993. С. 495.
5. Никитин А.Ф. Что такое правовая культура? М.: Просвещение, 1988. С. 6.
6. Дмитриев Ю.А., Казьмин И.Ф., Лазарев В.В. и др. / Под общ. ред. А.С. Пиголкина. Общая теория права: Учебник для юридических вузов.. 2-е изд., испр. и доп. М: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996. С. 148
7. Скакун О.Ф., Овчаренко Н.И. Юридическая деонтология. Учебник. Х., 1998 270 с.

*ЖУНИСБАЙ Айну*р Ерланкызы – студент юридического факультета Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясауи.

АЛАЙДАРОВ Акадил Абушахманович – магистр права, преподаватель кафедры Государственно-правовых дисциплин Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясауи.

ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПОНЯТИЕ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

В наши дни правовая политика активно претворяется в жизнь посредством доктринальной, правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной и воспитательно-обучающей форм ее реализации. С их помощью реализуются процессы оптимизации права. В свою очередь, правоинтерпретационная политика призвана оптимизировать процесс толкования правовых норм, отчего напрямую зависит будущая правоприменительная деятельность [1, с. 3-7].

Правоинтерпретационная политика органов внутренних дел – это вид правовой политики, реализуемый сотрудниками МВД посредством интеллектуальной деятельности с помощью определенных юридических средств и направленный на унификацию понимания правовых норм с целью оптимизации толкования права.

В соответствии со статьей 5 Федерального закона «О полиции» работник этого органа при исполнении возложенных на него полномочий в случае применения к гражданам мер, ограничивающих их права и свободы, обязан разъяснять им права и обязанности, установленные законодательством РФ [2].

К сожалению, данная правовая норма на практике стражами правопорядка иногда воспринимается формально. Достаточно привести случаи, когда сотрудники ГИБДД, останавливая водителя, предлагают ему пройти медицинское освидетельствование на состояние алкогольного опьянения ввиду того, что он вызывает у них подозрения. Многие автолюбители из-за нехватки личного времени отказываются от этой процедуры, однако полицейские не разъясняют им того, что в случае отказа от прохождения медицинского освидетельствования они автоматически будут лишены права управления транспортным средством [3].

На наш взгляд по каждому подтвержденному подобному случаю, сотрудников полиции необходимо привлекать к дисциплинарной ответственности.

В некоторых странах разработаны Концепции, призванные оптимизировать ведомственное толкование права. К примеру, в соответствии с Концепцией реформирования системы органов внутренних дел Кыргызской республики на 2012-2015 года, разъяснительная работа сотрудников МВД по действующим нормативным правовым актам в обществе и среди личного состава образует составную часть механизма преобразования деятельности [4].

Мы считаем, что аналогичная Концепция должна появиться и в РФ. Это позволит разъяснительной деятельности сотрудников МВД РФ стать эффективной, а не формальной. В ее рамках нужно создать управление профилактики правонарушений, в задачу которого будет входить, в том числе, разъяснение смысла правовых норм.

Приказом МВД РФ от 16 сентября 2002 года № 900 утверждена инструкция по организации деятельности участкового уполномоченного, согласно которой последний обязан проводить большой объем разъяснительной работы, в том числе: осуществлять среди населения административного участка разъяснительную работу о способах и средствах правомерной защиты и самообороны от противоправных посягательств; проводить среди лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений разъяснительную работу по критике подобного поведения и др. [5]

По словам министра внутренних дел РФ В.А. Колокольцева «только за месяц в одном из административных округов столицы, который побольше некоторых российских областей, на 350 участковых зарегистрировано 4,362 тыс. материалов. Скажите – физически человек способен это количество переварить, отработать, оформить и вынести результат об отказе в возбуждении уголовного дела? Так, в прошлом году эти 350 участковых вынесли 42 тыс. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. А для каждого такого отказа надо опросить массу свидетелей, получить кучу справок, и все это для того, чтобы прийти к часто заранее очевидному для профессионала результату» [6]. Очевидно, что в силу указанной нагрузки, участковым уполномоченным полиции просто некогда заниматься разъяснительной работой. Именно поэтому, мы считаем, что обязанности по раскрытию

смысла правовых норм из его деятельности (и не только) нужно изъять и возложить на сформированное управление профилактики правонарушений. Посредством предложенной меры будет повышен не только имидж министерства, но и будет получен положительный эффект.

Инспектора по делам несовершеннолетних совместно с участковыми уполномоченными полиции регулярно проводят в образовательных учреждениях беседы и лекции, направленные на разъяснение учащимся и их родителям требований законодательства, ведя речь о конституционных правах и обязанностях, ответственности за совершенные правонарушения и др. Только в 2012 году на Ставрополье в подобных мероприятиях было задействовано свыше 800 сотрудников органов внутренних дел, проведено свыше 400 групповых бесед. Дополнительно полицейские посетили по месту жительства 815 несовершеннолетних, состоящих на учете [7]. К сожалению, большинство аналогичных мероприятий проводятся на теоретическом уровне. Это снижает качество разъяснительной работы, ведь далеко не все подростки хотят воспринимать поступающую информацию без подкрепления ее реальными случаями.

Исходя из этого, оптимальной нужно считать нашу идею сочетания теории и практики при раскрытии смысла правовых норм. Так, говоря об административной или уголовной ответственности несовершеннолетних, целесообразно посещать соответствующие места. С помощью этого, несовершеннолетний правонарушитель сможет наглядно уяснить для себя смысл закона. Разумеется, что у инспекторов ПДН и УУП на организацию вышеуказанных мероприятий не хватает времени в силу загруженности, поэтому данную функцию необходимо также возложить на управление профилактики правонарушений.

Большое значение имеют разъяснения, данные ГИБДД МВД РФ. Так при раскрытии смысла правовых норм, регулирующих безопасность дорожного движения, а также ответственности за их нарушение, сотрудники дорожной полиции прибегают к разным методам. К примеру, текст разъяснений содержит наглядные схемы наиболее распространенных ситуаций поведения на дорогах страны. Типичная ситуация – «на узкой дороге, где стоит знак «Обгон запрещен» и нанесена сплошная линия, еле тащится трак-

тор, комбайн, мопед, повозка с лошастью. Кто-то не выдерживает и обгоняет. А тут, как назло, экипаж ДПС, который, кажется, только этого и ждет и уже потирает руки. Но оказывается, нет здесь нарушения и возможные претензии гаишников незаконны. Можно картинки распечатать и возить с собой в виде полезной книжки» [8].

Сотрудники уголовного розыска, а также иных подразделений полиции, используя устные разъяснения смысла правовых норм, особенно детально характеризующие санкции статей УК РФ, иногда способны добиваться раскрытия преступлений. Эффект имеется в тех случаях, когда, как правило, задерживается лицо не имеющее судимостей (возможно несовершеннолетний) и желающее сотрудничать с правоохранительными органами [9, с. 103].

Мы хотим остановиться на таком важном аспекте, как правовая подготовка стражей порядка, являющихся субъектами анализируемого вида правоинтерпретационной политики. Поскольку их служба требует знания смысла огромного количества нормативных правовых актов, то вполне логично было бы законодательно предусмотреть проверку их правовых знаний. С этой целью, нужно закрепить необходимость не реже одного раза в год проводить такую проверку, по результатам которой принимать решение о дальнейшей служебной деятельности сотрудника. Полицейский, не знающий законов, на основании которых осуществляет свою деятельность, не умеющий их правильно толковать, не способен обеспечить эффективную защиту нуждающимся гражданам, следовательно, является профессионально непригодным и должен подлежать увольнению.

Подводя итог вышесказанному, остановимся на следующих моментах:

во-первых, организация управления профилактики правонарушений в структуре МВД РФ позволит усилить качество осуществляемой разъяснительной деятельности, а также оптимально распределит нагрузку на сотрудников;

во-вторых, по каждому подтвержденному случаю неразъяснения прав гражданам при исполнении служебных обязанностей привлекать сотрудников органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности;

в-третьих, разработка Концепции реформирования системы органов внутренних дел является необходимостью и будет способствовать оптимизации разъяснительной деятельности стражей правопорядка;

в-четвертых, важно законодательно закрепить необходимость проведения проверок сотрудников полиции на знание нормативных правовых актов, а также умение их толковать не реже одного раза в год;

в-пятых, при проведении массовых разъяснительных мероприятий целесообразно использовать идею сочетания теории и практики.

Список литературы:

1. Подробнее об этом см.: Терехов Е.М. Интерпретационная форма реализации правовой политики: понятие и признаки // Современное право. 2012. № 10.

2. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (с изм. на 03.12.2012 г.) «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

3. Рогатка на дороге. Саратовские суды подчас закрывают глаза на нарушения прав граждан инспекторами ГИБДД // Российская газета. 2011. 11 августа.

4. Концепция реформирования органов внутренних дел на период 2012-2015 годов // www.rudocs.exdat.com (дата обращения 22.12.2012 г.).

5. Приказ МВД РФ от 16.09.2002 г. № 900 (с изм. на 12.04.2007 г.) «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции» // Российская газета. 2002. 27 ноября.

6. Интервью министра внутренних дел РФ В.А. Колокольцева // Известия. 2012. 24 мая.

7. На Ставрополье была проведена акция «Полиция и дети» // www.26.mvd.ru (дата обращения 03.01.2013 г.).

8. Борисов Т. Штрафы в картинках. ГАИ нарисовала штрафы и разместила изображения на сайте // Российская газета. 2012. 30 марта.

9. Маркова Ю.В. Взаимодействие аппаратов уголовного розыска и милиции общественной безопасности в контексте преду-

преждения экстремистских проявлений в среде несовершеннолетних // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4.

ТЕРЕХОВ Евгений Михайлович – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии.

ОСНОВНЫЕ УЧЕНИЯ О ПРАВЕ В СТРОЕНИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правовая система современного российского общества прошла двадцатилетний путь развития со времени принятия Конституции Российской Федерации и создания нового государственного аппарата. Ввиду сложности и многообразия происходящих в отечественной правовой системе процессов назрела объективная необходимость в теоретическом осмыслении дальнейших путей развития права. С начала девяностых и по сегодняшний день в научных исследованиях, образовательных программах по Теории государства и права, другими юридическим дисциплинам в качестве основных учений о праве упоминаются следующие: теория естественного права, юридический позитивизм (варианты: нормативизм, легизм), историческая школа права, социологическая (разновидность – солидаризм), психологическая, материалистическая (вариант: марксистская) [10, с. 172-181]. В.С. Нерсесянц выделяет еще либертарно-юридическую теорию, ведущую к «концепции цивилизма и цивилитарного права» [7, с. 156]. Анализируя перечисленные теории, следует основываться на том, что при исследовании права требуется широкая, комплексная методология, разнообразие подходов [3, с. 77]. В споре, как известно, рождается истина, но не во всех случаях. Действительно, много внимания необходимо уделять собственно исследованию права в его многообразных проявлениях. Но, в настоящее время наблюдается такое общее состояние правотворчества, правовой культуры, что необходимы конкретные меры. Наука должна выполнять не только гносеологические, но и прогностические, эвристические функции. Так как отечественная система права относится к числу быстро развивающихся и отличающихся в ряде отраслей нестабильностью, задача общетеоретических исследований видится в том, чтобы дать новый импульс развитию науки и ее практическому применению при выработке правовой политики государства, направлений законодательной деятельности. В интервью, данном М.Ю. Барщевскому для «Российской газеты» Председатель Верховного Суда Российской Федерации

В.М. Лебедев, признавая идею непрерывности развития права как и развития всего общества, обратил внимание на необходимость упорядочения законотворческого процесса. Так, например, им подчеркнуто, что только в Уголовный кодекс РФ было внесено за время его действия более 3000 изменений и дополнений. В прошедшем году из 69 законопроектов Верховный Суд поддержал полностью 12, некоторые – частично, а 38 были не поддержаны в полном объеме [1, с. 6].

Предметно рассматривая современную российскую правовую систему можно уверенно признать то, что в Конституции России нашли отражение наиболее известные, широко признанные идеи теории естественного права, закрепившие статус личности, т.е. те, которые мы традиционно относим к основным правам человека. Это следует из ст.2 и главы 2 Конституции РФ. Общеизвестные нормы и принципы международного права в сфере прав человека были частью нашего законодательства еще и в «советское время» (наша страна участвовала в их разработке на уровне Устава ООН, Всеобщей Декларации прав человека, Международных пактов о гражданских и политических правах, социальных и культурных правах [9, с. 424-432; 5, с. 326-327]). Но, в полном объеме все основные права и свободы человека были закреплены в действующей Конституции РФ наряду с дополнительными – конституционными. Путем простого сопоставления идей, взглядов сторонников естественно-правовой школы и отечественного законодательства можно утверждать, что эти идеи мы разделяем. Так, Ж. Маритен писал в своем сочинении «Человек и государство» о том, что, «... не человек существует для государства; наоборот – государство существует для человека» [4, с. 21]. В статье 18 Конституции РФ сказано, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Думается, что нельзя говорить о том, что идеи естественно-правовой школы права – это тупиковый вариант развития нашего законодательства. Наоборот – эти идеи могут быть связующей материей для многих направлений законотворчества и не только в нашей стране.

Обращаясь к позитивистской теории права (нормативизму, ле-

гизму) можно сразу констатировать глубокую взаимосвязь этой теории с отечественной правовой системой, относящейся к семье романского, европейского (континентального) права. Именно с помощью этой теории можно обосновать такие несомненные ценности права как законность и правопорядок. Безусловно, с позиций естественного права можно признать, что могут в ряде случаев издаваться не правовые законы. Однако в нашей стране есть механизмы их оперативного пересмотра и прекращения действия – посредством обращения в Конституционный Суд Российской Федерации. Рассматривая основные положения позитивизма стоит и не забывать о том, что современное право по всем формальным признакам, а во многом и по материальным является результатом деятельности государства понимаемого в качестве рационально организованной системы, действующей в интересах всего общества, ради общественного блага. Встречаются мнения о том, что в создании ряда норм права государство не принимает никакого участия. Имеются в виду нормы, вырабатываемые органами местного самоуправления, например [3, с. 87]. Заметим, что эта точка зрения небесспорна. Органам местного самоуправления (в соответствии с известным ФЗ № 131) делегированы государственные полномочия при решении наиболее важных вопросов местного значения и, таким образом, в своей правотворческой деятельности они реализуют данные государственные полномочия. Не стоит, исследуя правовую систему общества, исключать из этой системы государство, отдавая его изучение, его теорию на откуп чисто политическим наукам (например, политологии). Правовая реальность такова, что все нормы права либо вырабатываются, либо санкционируются (поддерживаются) государством. И поэтому, от правового положения государства, его роли в жизни общества зависит многое, в том числе и возможность реализации субъективных прав граждан, их гарантированность. Позитивизмом были созданы ценности относящиеся к практической стороне права, его регулятивному потенциалу: это и обязательное опубликование законов, это и требование их ясности, это и основные принципы юридической ответственности, и многое другое. А потому данную теорию, конечно же, не стоит сбрасывать со счетов.

Идеи исторической школы права о том, что подобно языку,

нравам и государственному устройству, право является продуктом народной деятельности, постоянно движется и развивается, подчиняясь законам внутренней необходимости [6, с. 232], – можно считать, безусловно, правильными, интересными и полезными с гносеологической точки зрения. Равно как и идеи психологической школы права.

Суждения о социологической школе права в литературе противоречивы. Для сторонников этой теории характерно признание приоритета того, что можно назвать правом в действии, над буквой закона. Большое значение отводится фактически сложившимся правоотношениям, изменениям, происходящим в праве в процессе его применения, так называемому «живому» праву. Наибольшее распространение эта школа, как известно, получила в США, как стране общего права (англо-саксонского, англо-американского, прецедентного). Наши белорусские коллеги относят эту теорию к числу тех, где отвергается нормативная трактовка права и не воспринимаются нравственные, естественно-правовые представления о нем [2, с. 167]. В целом эту теорию характеризую как прагматическую. Но, некоторые другие ученые, например, В.Н. Хропанюк, признавая социологическую школу права одной из основных в XX веке (включая и теорию солидаризма Л. Дюги) полагают, что она идейно связана с теорией правового государства, так как наполняет право социальным содержанием, рассматривает его как уравнивающую силу в жизни общества [10, с. 176].

Марксистская (или материалистическая) теория права интересна своей экономической обоснованностью и социальной составляющей. Естественно, что положения о классовой борьбе и некоторые другие – плод исторически сложившейся реальности XIX века. А XXI век характеризуется иными тенденциями, не диаметрально противоположными, но качественно иными – процессами универсализации, глобализации, большим взаимопроникновением культур и взаимодействием правовых систем, требованиями нового научно-технического, экономического прорыва в будущее без потери культурных составляющих.

Что касается либертарной теории или цивилизма, то она представляется беспочвенной и во многом – искусственной. И может рассматриваться как попытка создания новой теории в период

середины 90-х годов для целей собственно новизны и, отчасти, гражданского мира. Последнее не чуждо и все остальным. А потому – необходимы дальнейшие исследования для упорядочения правотворчества, модернизации права в духе социальных запросов настоящего времени.

Список литературы:

1. Барщевский М.Ю. Судя по всему. Интервью с Председателем Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедевым / В.М. Лебедев, М.Ю. Барщевский // Российская газета. 2013 г. 19 февраля. № 35(6011). С. 1, 6.

2. Вишневский А.Ф. Общая теория государства и права: Учеб.пособие / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский / Под общ.ред. В.А. Кучинского. 2-е изд., дополненное. Мн.: Амалфея, 2004. 688 с.

3. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие. В 2т. Т. 1 / В.Н. Карташов; Ярсл.гос. ун-т. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 547 с.

4. Маритен Ж. Человек и государство / Ж. Маритен / Пер. с англ. Т. Лифинцевой. М.: Идея-Пресс, 2000. 196 с.

5. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учеб. / М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2009. 768 с.

6. Немецкая историческая школа права / П. Новгородцев, С. Муромцев, Н. Кареев, И. Кениг, Ф. Савиньи, Г.-Ф. Пухта. Челябинск: Социум, 2010. 528 с.

7. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. Для юрид. вузов и факультетов / В.С. Нерсесянц. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 288 с.

8. Общая теория права / В.К. Бабаев, В.А. Туманов, А.Х. Саидов и др. / Под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород: Нижегородская ВШ МВД РФ, 1993. 544 с.

9. Общая теория прав человека / В.А. Карташкин, Н.С. Колесова, А.М. Ларин и др. / Отв. ред. Е.А.Лукашева. М.: Издательство НОРМА, 1996. 520 с.

10. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Учебное пособие для ВУЗов / В.Н. Хропанюк / Под ред. В.Г. Стрекозова. М.:

Дабахов, Ткачев, Димов, 1995. 384 с.

ПОРОЙКО Мирослава Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Международная академия бизнеса и новых технологий (академия МУБиНТ).

СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ – НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ НЫНЕШНЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Термин «суверенная демократия» был введён в широкий оборот в России заместителем руководителя Администрации Президента России В.Ю. Сурковым в 2005-2006 годах. Появился данный термин сравнительно недавно. Поэтому, в связи с малой изученностью данного явления представляется необходимым рассмотреть его сущность и проблемные аспекты.

Стоит отметить, что трактовка термина «суверенной демократии» не имеет единого научного определения. В.Ю. Сурков дает следующее определение «суверенной демократии»: образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими [7].

Тем самым, основное внимание обращается именно на общественный элемент. Но стоит задаться вопросом о том, что вообще подразумевает под собой этот элемент. При этом, имеются как сторонники, так и противники термина суверенной демократии. Сторонники говорят с позиций естествознания и утверждают следующий тезис, в качестве примера: «жесткое излучение солнца фактически убило бы планету, но поскольку существует надежный слой атмосферы, то, следовательно, существует и человеческий род. При этом под жестким излучением следует понимать сам феномен власти. Слой атмосферы – это общественный строй». А противники открыто утверждают, что «суверенная демократия» это своего рода «ширма» благочестивых намерений за которой, скрывается произвол и беззаконие.

Термин «суверенная демократия» имеет своей первоосновой демократический режим. Как отмечал Аристотель: «если взять виды государственного строя в образцовом состоянии, как-то: хорошая олигархия и прочие, худшим окажется демократия, но если взять их же в испорченном состоянии, то она – наилучшая.

Мы же со своей стороны утверждаем, что все эти виды государства вообще неправильны» [1, с. 78]. Тем самым, Аристотель не говорит о том, что это наилучший режим, но и прямо не упоминает о том, что это худшая форма политического режима. Утверждая при этом, что все виды государства неправильны.

Справедливо отмечает, Ф.М. Раянов: «демократия - это избрание всего человечества, предусматривающее такие институты, посредством которых государственная власть волей народа цивилизованно сдерживается от деградации» [7, с. 92]. Следует согласиться с позицией, Ф.М. Раянова – но при этом, следует отметить, что данное сдерживание должно идти по пути рациональности, т.е. не должно быть чрезмерного вмешательства общственности в саму деятельность государственного аппарата.

Таким образом, термин «суверенная демократия» можно понимать в огромном количестве значений – это политическая система; образ политической жизни общества; доктрина; национальная идея и т.д. Но сегодня следует с необходимостью задаться вопросом о том, нужна ли сегодня концепция суверенной демократии? Следует отметить огромный спектр данной проблематики – она включает в себя правовую и политическую составляющую. Правовая, заключается, в порядке реализации концепции суверенной демократии в правовых установлениях государства, их воплощения в тексте нормативного документа. Политическая, заключается в установлении политического баланса интересов разных групп населения, в их приобщении к существующей политической концепции.

В. Путин отмечает: «вот пункт, который находится на первой странице Конституции: «Мы – многонациональный народ Российской Федерации, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы...» То есть вопрос о том, что мы строим суверенную демократию, нашел отражение в Конституции РФ» [6, с. 21].

«Суверенная демократия» это не политический режим, и не его особая разновидность. Утверждение в Преамбуле Конституции суверенного характера государства действительно имеет место. Скорее всего, это положение имело своим назначением нацеленность на будущее развитие. Сегодня, для развития суверенной

демократии нет устойчивой платформы. Это объясняется высоким уровнем криминализации общества, властных структур, судебной системы.

Развитие суверенной демократии имеет место при соблюдении *двух критериев*: обеспечение неукоснительной реализации прав и свобод; эффективности законодательства.

А.С. Шабуров отмечает по первому критерию следующее: «мало предоставить гражданам права. Важно создать условия, обеспечивающие их реальное осуществление. Конституция РФ закрепила весьма широкий круг прав и свобод граждан. Однако одни из них до сих пор не обеспечены достаточно эффективным механизмом реализации, другие не подкреплены экономически. В результате они остаются фактически не реализованными». [8, с. 285-286].

А.А. Зелепукин отмечает по второму критерию следующее: «необходим не только количественный, но прежде всего качественный подход к реформированию российского законодательства с целью повышения его эффективности» [4, с. 7].

Именно эти два критерия следует учитывать при введении Концепции суверенной демократии. Представляется, что именно Концепция сможет заложить необходимый и должный вектор развития общества и законодательства. Но при этом, определяющее влияние может оказывать сама публичная власть, ибо установление концепции, есть прерогатива власти. Соответственно, неизбежны будут попытки критики данной Концепции.

При принятии Концепции суверенной демократии мы руководствуемся исключительно не «устоями политической верхушки» а именно исходим из статуса личности. При этом, статус личности определяется действующими на данный момент общественными отношениями (уровень коррупции, уровень доходности населения страны, уровень преступности в обществе и др.). При этом, участие в составлении должны принять опытные ученые, академики, результаты апробации должны быть применены на практическом опыте.

Главная составляющая Концепции – это ее практическое воплощение в жизнь. Механизм реализации будет слабым (если вообще сложится в своей деятельной пролонгации). Условия для

становления суверенной демократии на сегодняшний день представляются слабыми, не сформированными.

Однако следует также понимать и то, что Концепция не есть закон. Это не закон. Ибо его нормы являются программирующими как для субъектов права, так и государственно-правовых явлений. М.И. Байтин отмечает: «право как элемент и функциональный признак политической власти служит связующим звеном между государством и правовой системой общества, всеми ее составными звеньями» [2, с. 174]. И тем самым, следует сказать, что это весьма уязвимая составляющая, поскольку Концепция как таковая, также имеет связующий характер с властной структурой, которая может выдавать желаемое за действительное.

Сама действенность Концепции суверенной демократии зависит от степени действенной реализации положений Конституции. Действенный характер данных положений есть неременный залог по формированию Концепции, и ее утверждения в качестве важнейшего документа общественной жизни.

Фундаментальный характер действенности Концепции зависит от правильной и слаженной деятельности всех ветвей государственной власти. Но автор, обоснованно считает, что принцип разделения властей был мертв изначально, когда в октябре 1993 г. вышел Указ Президента РФ № 1400, который впредь запрещал созывать заседания Конституционного суда до принятия новой Конституции.

О.Е. Кутафин справедливо отмечал: «следует сказать, что содержащиеся в Конституции РФ нормы, характеризующие Россию как демократическое государство, на практике в полной мере не реализуются, а иногда и грубо нарушаются. Фактически не реализуется в полной мере и принцип разделения властей. Сегодня это разделение характеризуется почти повсеместным господством исполнительной власти, а также президентской власти, стоящей над всеми другими властями» [5, с. 119].

Тем самым, проявляются многие проблемные аспекты в рассмотрении суверенной демократии как явления сегодняшней действительности. Это независимая деятельность трех ветвей государственной власти, активность граждан в решении проблем го-

сударства [3, с. 166-167], ментальность общества [9, с. 40], уровень криминализации общества и власти (в том числе судебной). Но общий вектор развития должен исходить из необходимости принятия данной Концепции на пути к дальнейшему складыванию гражданского общества в России. Определяющее значение имеет соответствующий фактической ситуации тип правовопонимания.

По этому поводу, рекомендую посмотреть на видео-портале YouTube небольшое выступление политолога Леонида Полякова под названием: «Поплавки суверенной демократии».

Список литературы:

1. Аристотель. Политика. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
2. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правовопонимание на грани двух веков). Саратов: Изд-во «СГАП», 2001.
3. Баранов Н.А. Современная демократия: эволюционный подход. СПб. 2008;
4. Зелепукин А.А. Проблемы эффективности российского законодательства. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. Специальность 12.00.01. Саратов. 2000.
5. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. Учебник. 4-е изд. М.: Проспект, 2010.
6. Путин В. Суверенная демократия. От идеи к доктрине (сборник статей). М. 2005.
7. Раянов Ф.М. Проблемы теории государства и права (юриспруденции). М.: Право и государство, 2003.
8. Сурков В.Ю. Национализация будущего // Эксперт. 20 ноября 2006. № 43 (537).
9. Шабуров А.С. Теория государства и права. Учебник. Отв. ред. В.Д. Перевалов. 4-е изд. М.: Норма, 2011.

10. Шабуров А.С. Теоретические проблемы российской государственности и правовой системы. Курган. 2006.

НАЗАРОВ Игорь Геннадьевич – студент, Уральская государственная юридическая академия.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

О.А. Кравченко

ВОПРОСЫ ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ

Как отмечается в юридической литературе, важнейшим элементом юридической конструкции правового положения личности, в том числе при реализации избирательных прав, являются правовые гарантии, то есть юридические условия и средства реализации субъективного избирательного права гражданина [1, с. 63].

Такие условия и средства при реализации избирательных прав должны быть в первую очередь направлены на то, чтобы недопустить искажения мнений проголосовавших избирателей при определении результатов выборов.

В настоящее время законодательство не предусматривает необходимости использовать и учитывать при определении результатов выборов иные документы, кроме полученных из избирательных комиссий экземпляров протоколов. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 69 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» на основании данных протоколов об итогах голосования после предварительной проверки правильности их составления вышестоящая комиссия путем суммирования содержащихся в них данных устанавливает итоги голосования на соответствующей территории, в округе, субъекте Российской Федерации, в Российской Федерации и решение комиссии об итогах голосования оформляется протоколом об итогах голосования.

Не исключена такая ситуация, когда соблюдая принципы открытости и гласности избирательная комиссия на своем заседании составляет протокол об итогах голосования с одними сведениями и выдает его копии наблюдателям, а затем после их ухода, составляет другой протокол, но уже с другими сведениями, который представляет в вышестоящую избирательную комиссию.

Единственным органом власти который бы мог в такой ситуации восстановить справедливость является суд, но заявляя в суде требования об отмене решения избирательной комиссии об итогах голосования отраженное в протоколе об итогах голосования имеющем противоречия с выданной этой же комиссией копией протокола об итогах голосования, необходимо доказать, что указанное нарушение не позволяет выявить действительную волю избирателей.

Однако, как отмечают исследователи, до настоящего времени отсутствует практика признания судами недействительным протокола об итогах голосования, если копия протокола содержит отличающиеся от подлинника сведения [2, с. 314].

Формулировка «нарушения не позволяют установить действительную волю избирателей» правильна во всех случаях, перечисленных в п. 3 ст. 77 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», кроме следующих случаев касающихся нарушения: порядка голосования и подсчета голосов, подведения итогов голосования и определения результатов выборов, то есть случаев относящихся к возможному неправильному подсчету голосов избирателей и неправильному подведению итогов голосования и определения результатов выборов.

Кроме того, к указанным случаям нарушения избирательного законодательства, надлежит использовать формулу «если эти нарушения не позволяют достоверно определить волеизъявление избирателей», которая использовалась в норме права содержащейся в п. 3 ст. 64 Федерального закона от 19 сентября 1997 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Из названной нормы права следовало, что не всякие нарушения должны влечь отмену решения об итогах голосования и о резуль-

татах выборов. Так, Е.И. Колюшин указывает, что позиция судов заключается в том, что основанием для отмены решения избирательной комиссии может служить не сам факт нарушения законодательства, а лишь нарушения, которые не позволяют с достоверностью определить результаты волеизъявления [3, с. 11].

Позиция, согласно которой не всякие нарушения должны влечь отмену решения об итогах голосования и о результатах выборов, а только те которые сопряжены с невозможностью достоверно определить результаты волеизъявления граждан представляется правильной. В связи с чем, предлагается из п. 3 ст. 77 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», исключить следующие слова: «порядка голосования и подсчета голосов, определения результатов выборов», а также дополнить ст. 77 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» пунктом 3.1 следующего содержания «Суд соответствующего уровня может отменить решение избирательной комиссии об итогах голосования, о результатах выборов на избирательном участке, территории, в избирательном округе, в муниципальном образовании, в субъекте Российской Федерации, в Российской Федерации в целом также в случае нарушения порядка голосования и подсчета голосов (включая воспрепятствование наблюдению за их проведением), определения результатов выборов, других нарушений избирательного законодательства, если эти нарушения не позволяют достоверно определить волеизъявление избирателей». Кроме того, для избежания негативных общественных процессов связанных с недоверием к выборам, было бы правильно закрепить в законе правило, согласно которому избирательные бюллетени должны быть пронумерованы и выдаваться гражданам в случайном порядке, что позволит соблюсти тайну голосования. В свою очередь, каждый протокол об итогах голосования участковой избирательной комиссии должен содержать сведения о номере избирательного бюллетеня и о результате волеизъявления избирателя отраженного в нем. При этом, каждый протокол об итогах голосования участковой избирательной комиссии должен размещаться в сети Интернет непосредственно

после его составления. Кроме того, каждый избирательный бюллетень должен иметь отрывной талон, с зафиксированным на нем результатом волеизъявления гражданина и законодательно необходимо придать юридическую силу названному документу. Это необходимо для того, чтобы гражданин в случае недостоверного отражения результата его волеизъявления в протоколе об итогах голосования участковой избирательной комиссии смог доказать свой достоверный результат волеизъявления, в том числе и в суде. Также необходимо предусмотреть в законе правило о том, что в случае выявления 1% искажения волеизъявления избирателей от числа проголосовавших на конкретном избирательном участке, выборы признаются недействительными и подлежат отмене судом.

Список литературы:

1. Веденеев Ю.А., Мостовщиков В.Д. Ведение в избирательное право. Учебное пособие. М.: РЦОИТ, 2003.
2. Колюшин Е.И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений: монография. 2-е издание переработанное и дополненное. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.
3. Колюшин Е.И. Судебная практика по делам о правонарушениях и спорах в ходе финансирования избирательных компаний // Право и власть. 2002. № 3.

КРАВЧЕНКО Олег Александрович – кандидат юридических наук, адвокат Ставропольского филиала Международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург».

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ ЛЕКАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЗА РУБЕЖОМ

Проблема лекарственной безопасности является серьезным препятствием для реализации конституционного права на охрану здоровья, так как примерно 25% заболеваний в мире обусловлена, в большей или меньшей степени, негативными последствиями применения лекарственных препаратов (ЛП), [3, с. 774] к которым российский законодатель относит: [8]

- побочные действия (указанные в инструкции по применению ЛП) при использовании ЛП в рекомендованных дозах;
- непредвиденные нежелательные реакции при использовании ЛП в соответствии с инструкцией по применению (но если существенность и тяжесть этих реакций не соответствуют информации, содержащейся в инструкции);
- особенности взаимодействия ЛП с другими ЛП;
- серьезные нежелательные реакции (приводящие к смерти; стойкой утрате трудоспособности и/или инвалидности; врожденным аномалиям или порокам развития; представляющие угрозу жизни или требующие госпитализации).

По указанной причине частота госпитализации пациентов в московских больницах, например, достигает 8-24%, в поликлиниках – 9,1%. [2, с. 6] Ежегодно на устранение указанных проблем в Германии расходуется \$332,9 млн.; [20] в США – от \$130 млрд. до \$177,4 млрд. [10, 14]

Среди факторов риска возникновения проблемы лекарственной безопасности – постоянно увеличивающееся количество новых ЛП, для полного изучения профиля безопасности которых, необходим длительный период применения: для амидопирин (вызывающего поражение костного мозга) – это 47 лет, [19] для ацетилсалициловой кислоты/аспирина (приводящей к желудочным кровотечениям) – 40 лет. [2, с. 19] Возникновению проблемы лекарственной безопасности также способствуют случаи самолечения, практика нерационального назначения ЛП, применение ЛП растительного происхождения. У частности, в Великобрита-

нии опасения у врачей вызывает растение трехкрыльник Вильфорда, использование которого в составе ЛП может приводить к негативным последствиям со стороны печени, почек, сердца, и других органов и систем. Кроме того, в условиях глобализации участились случаи реализации ЛП через нелегальные Интернет-ресурсы, с помощью которых распространяется более 50% контрафактных ЛП, в связи с чем ежемесячные доходы от указанных мероприятий в мире оцениваются в 1-2,5 \$млн. [22] При этом в США, например, из 9000 Интернет-сайтов по продаже ЛП, 96% – не соответствуют требованиям обеспечения безопасности пациентов и стандартам надлежащей фармацевтической практики.

В связи с этим, особую актуальность приобретает контроль лекарственной безопасности (фармаконадзор), который Согласно Директиве 2001/83/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 06.11.2001 г. «О своде законов Сообщества в отношении лекарственных препаратов для человека», представляет собой совокупность мероприятий, связанных с научными исследованиями и деятельностью, которые направлены на выявление, оценку и понимание возможных негативных последствий медицинского применения ЛП, предупреждение и защиту пациентов. [6]

Контроль лекарственной безопасности может быть **предрегистрационным** (то есть до государственной регистрации ЛП), проводимым в ходе клинических исследований, когда изучается частота негативных последствий применения ЛП, и **пострегистрационным/постмаркетинговым** (после регистрации и начала широкого применения ЛП). В первом случае полученные данные важны для формирования регистрационного досье на ЛП и прогнозирования возможных эффектов ЛП. Во втором случае – проводится более глубокое изучение профиля безопасности ЛП.

Таким образом, профиль безопасности ЛП к моменту государственной регистрации, остается не полностью изученным, так как возможности клинических исследований ограничены, в частности, количеством пациентов, участвующих в них, и принимающих исследуемый ЛП. Например, если какое-либо негативное последствие применения ЛП возникает с частотой, 1 случай на 5 тыс. человек, то для получения достоверных статистических данных, подтверждающих данную частоту, необходимо, чтобы в клинических исследованиях приняли участие 15 тыс. пациентов,

так как порой трудно установить, чем обусловлен риск – применением ЛП или воздействием неблагоприятных факторов жизни пациента. [13] В то же время максимальная выборка пациентов, участвующих в предрегистрационных клинических исследованиях достигает примерно 3 тыс. человек. [1] Поэтому только на постмаркетинговом этапе, после государственной регистрации, когда ЛП получают уже десятки тысяч и миллионы пациентов, можно выявить негативные последствия применения ЛП, не обнаруженные в ходе предрегистрационных клинических исследований.

Кроме того, некоторые ЛП, например, предназначенные для лечения редких («сиротских» или орфанных) заболеваний [4, 5] (которые регистрируются с частотой не более 10 случаев на 100 тысяч населения), а также ЛП для лечения социально-значимых заболеваний (ВИЧ-инфекции, некоторых видов рака) за рубежом регистрируются в ускоренном режиме (для обеспечения максимально быстрого доступа пациентов к ним), то есть без углубленного изучения их профиля безопасности. При этом, в ходе клинических исследований удается изучить безопасность только 57% орфанных ЛП, прежде всего, из-за сложности набора пациентов в такие исследования, поскольку орфанные препараты предназначены для лечения редких заболеваний, и найти количество пациентов, достаточное для получения статистически достоверных данных в отношении безопасности исследуемых препаратов, затруднительно. Кроме того, результаты клинических исследований (которые затем предоставляются в регулирующие органы для регистрации) таких ЛП базируются на «суррогатных» конечных точках, то есть на данных эффективности и безопасности ЛП, полученных в условиях конкретного клинического исследования, без учета аналогичных данных ЛП в реальной клинической практике. Поэтому «темные» стороны указанных ЛП, равно как их сомнительная эффективность раскрываются уже в процессе их широкого применения. [15] Например, препарат бевацизумаб, зарегистрированный в Канаде в 2008 г. для лечения рака молочной железы, как выяснилось, не приводил к улучшению показателей общей выживаемости пациентов.

К видам контроля лекарственной безопасности можно отнести:

- правовой контроль, проводящийся в направлении развития законодательства в области обеспечения лекарственной безопасности; в направлении формирования такого правового поля, в котором уполномоченные учреждения/ организации и других субъектов обращения ЛП (производителей, дистрибьюторов ЛП, аптечные организации), обязаны были бы выявлять негативные последствия применения ЛП;

- организационный контроль, когда на основе изданных нормативных правовых актов создается система мониторинга безопасности ЛП с участием учреждений/организаций, всех субъектов обращения ЛП, пациентов, занимающихся сбором сообщений о негативных последствиях применения ЛП с их последующей передачей в регулирующие органы (по контролю лекарственных средств);

- информационный контроль, в ходе которого регулирующие органы, международные организации и другие структуры, вовлеченные в данный процесс, издают различные информационные материалы (например, публикуют статьи в научных журналах, выпускают письма) с целью облегчения доступа специалистов здравоохранения и пациентов к новым данным в области лекарственной безопасности и для повышения их образовательного уровня в указанной сфере.

Наиболее пристального внимания заслуживает правовой контроль, так как именно от адекватной законодательной базы в области обеспечения лекарственной безопасности, будут зависеть дальнейшие организационные и информационно-образовательные мероприятия.

Актуальными задачами в области контроля лекарственной безопасности является выявление случаев нерационального применения ЛП (например, по незарегистрированным показаниям – off-label); взаимодействий ЛП с другими ЛП; медицинские ошибки, факты обращения некачественных, фальсифицированных, контрафактных ЛП, и пр.

Самая крупная катастрофа в области лекарственной безопасности «талидомидовой трагедии», разыгравшаяся в середине ушедшего столетия, когда только в Германии родилось более 10 тыс. детей с недоразвитием или полным отсутствием конечностей

по причине приема их матерями препарата талидомид во время беременности, случилась именно потому, что в тот период отсутствовала практика проведения клинических исследований и не существовало критериев безопасности ЛП. После этого драматического опыта во многих странах стали осуществляться мероприятия по контролю за безопасным применением ЛП. [24]

Основную роль в контроле лекарственной безопасности за рубежом играют регулирующие органы по контролю лекарственных средств (различных стран) и международные организации.

Среди регулирующих органов, можно отметить:

- Европейское агентство по лекарственным средствам (European Medicinal Agency – EMA), [11] функционирующее с 1995 г. на основе Постановления Совета ЕС (ЕЕС № 2309/93) от 22 июля 1993 г.; [12] и разрабатывающее руководства нормативного характера по различным этапам обращения ЛП, с целью гармонизации фармацевтического законодательства различных стран.

- Европейское Управление по качеству лекарственных средств и здравоохранения (The European Directorate for the Quality of Medicines & HealthCare – EDQM), которое несет ответственность за разработку стандартов качества (монографий) для всех фармацевтических субстанций, используемых при производстве ЛП и других технических руководств; что направлено, в конечном счете, на установление унифицированных стандартов качества для производства безопасных ЛП.

- Управление по пищевым продуктам и лекарственным средствам (Food and Drug Administration – FDA) США, контролирующее все этапы обращения ЛП, в том числе регулирующее вопросы лекарственной безопасности.

- Аналогичные органы существуют и в других странах, входящих и не входящих в Евросоюз. Во Франции – это Национальное агентство по безопасности лекарственных средств и продуктов здравоохранения (National Agency for the Safety of Medicines and Health Products – MSNA), созданное в 2011 г. вместо функционировавшего ранее Агентства по санитарному контролю продуктов здравоохранения (France’s Agence Française de Sécurité Sanitaire des Produits de Santé – AFSSaPS); в Новой Зеландии – Управление

по безопасности лекарственных средств и медицинских изделий (New Zealand's Medicines and Medical Devices Safety Authority – Medsafe); в Великобритании – Управление по контролю за оборотом лекарственных средств и изделий медицинского назначения (Medicines and Healthcare products Regulatory Agency – MHRA), которым в 1964 г. в данной стране была введена система «желтой карты» [26] (для регистрации сообщений о негативных последствиях применения ЛП), действующая и в настоящее время.

Регулирующие органы по контролю лекарственных средств регламентируют различные этапы обращения ЛП, в том числе, процесс регистрации и безопасность ЛП в предрегистрационных клинических исследованиях; и правовые документы, издаваемые им, носят, как правило, нормативный характер.

Для контроля лекарственной безопасности после регистрации (то есть на пострегистрационном/постмаркетинговом этапе) создаются дополнительные институты, организации, центры. Например, в Канаде – это Управление по контролю зарегистрированных продуктов здравоохранения (Health Canada's Marketed Health Products Directorate); в США – Агентство по исследованиям и качеству здравоохранения (Agency for Healthcare Research and Quality); во Франции – Национальный Комитет по фармаконадзору (National Pharmacovigilance Committee). По решению Европейской Комиссии в 2008 г. в Европе был создан Консультативный Комитет по фармаконадзору и оценке риска (European Pharmacovigilance Risk Assessment Advisory Committee – PRAAC).

Кроме того, каждая страна самостоятельно разрабатывает дополнительные инструменты и проводит соответствующие мероприятия по выявлению негативных последствий применения уже зарегистрированных ЛП. В Канаде, на основе Закона Парламента 2008 г. «Постмаркетинговый контроль лекарственных средств» (Post-Market Surveillance of Pharmaceuticals) в 2009 г. была сформирован Интернет-ресурс по безопасности и эффективности ЛП (Drug Safety and Effectiveness Network – DSEN), спонсируемый Институтами научных исследований в области здравоохранения Канады (Institutes of Health Research - CIHR), необходимый для организации коммуникаций между исследователями и фармацевтическими компаниями этой страны с целью оптимизации деятельности по выявлению негативных последствий применения

зарегистрированных ЛП. Кроме того, Канаде функционирует Институт по безопасности пациентов (Canadian Patient Safety Institute – CPSI).

В США на основании Закона об изменениях FDA (FDA Amendments Act – FDAAA) было создано Партнерство по наблюдению за исходами оказания медицинской помощи (Observational Medical Outcomes Partnership), сотрудничающее с Фондом Национальных институтов здоровья (National Institutes of Health) и Фармацевтическими производителями Америки (Pharmaceutical Manufacturers of America). С 1999 г. в этой стране функционируют Центры по образовательным мероприятиям и исследованиям лекарственных средств (Centers for Education and Research on Therapeutics – CERTs), которые заключают контракты с научно-исследовательскими организациями (участвуют 14 исследовательских центров и 12 Университетов), изучающими, в свою очередь, впервые зарегистрированные ЛП на предмет их безопасности.

Среди международных организаций центральное место в контроле лекарственной безопасности отводится Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), еще в 1946 г. в своем Уставе заявившей, что «здоровье всех народов является основным фактором в достижении мира и безопасности». [7] В 1963 г. (после «талидомидовой трагедии») состоялась 16-я Ассамблея ВОЗ, на которой было решено (WHA 16.36) как можно быстрее распространять любую информацию о негативных последствиях применения ЛП между странами. [21] В 1968 г. ВОЗ (на основании Резолюций WHA 17.39 и WHA 19.35) организовала Программу по международному мониторингу (контролю) ЛП (International Drug Monitoring Program), [25] что привело к созданию Сотрудничающего центра ВОЗ, расположенного в Уппсале (Швеция), [9, с. 25] и вносящего в базу данных (VigiBase) все сообщения о негативных последствиях применения ЛП, получаемые из разных стран. Кроме того, в рамках Программы ВОЗ по международному мониторингу (контролю) ЛП в структуре ВОЗ созданы и функционируют Сотрудничающий центр ВОЗ по тренингам и разъяснительно-информационной деятельности в области фармаконадзора (WHO Collaborating Centre for Training and Advocacy in Pharmacovigilance) в г. Аккра (Гана); Сотрудничающий центр

ВОЗ по методологии статистики лекарственных средств (WHO Collaborating Centre for Drug Statistics Methodology) в г. Осло (Норвегия); Сотрудничающий центр ВОЗ по фармаконадзору и безопасности пациентов (WHO Collaborating Centre for Pharmacovigilance and Patient Safety) в г. Рабат (Марокко).

В ходе деятельности по контролю лекарственной безопасности ВОЗ получает техническую поддержку в рамках Программы по улучшению доступа к фармацевтическим продуктам и услугам (Systems for Improved Access to Pharmaceuticals and Services - SIAPS), организованной Агентством по международному развитию (Agency for International Development - USAID) США. Кроме того, инструментом ВОЗ в регламентации регистрации и контроля обращения ЛП (в том числе, лекарственной безопасности), является Международная конференция Органов по контролю за лекарственными средствами (Drug Regulatory Authorities – ICDRA), основанная в 1980 г., и функционирующая в направлении гармонизации требований к регистрации ЛП в различных странах.

На основании решения ВОЗ и ЮНЕСКО в 1949 г. был создан Совет международных научно-медицинских организаций (Council for International Organizations of Medical Sciences – CIOMS), способствующий расширению международного сотрудничества в области медицины, в том числе посредством обмена информацией по вопросам лекарственной безопасности между регулирующими органами, производителями фармацевтической продукции, законодателями и научными академическими организациями.

В тесном сотрудничестве с ВОЗ, ЮНЕСКО, Международной Федерацией Фармацевтических Производителей и Ассоциаций (Federation of Pharmaceutical Manufacturers & Associations – IFPMA), Всемирным альянсом специалистов здравоохранения (World Health Professional Alliance – WHPA) осуществляет свою деятельность Международная Фармацевтическая Федерация (International Pharmaceutical Federation – FIP), [23] основанная в 1912 г. и осуществляющая разностороннюю активность в обеспечении контроля лекарственной безопасности, прежде всего, за счет ограничения нелегальных продаж ЛП и снижения риска обращения контрафактных ЛП.

В области контроля лекарственной безопасности за рубежом

также с 1990 г. действует Международная конференция по гармонизации технических требований к регистрации лекарственных средств, предназначенных для человека (International Conference on Harmonization of Technical Requirements for Registration of Pharmaceuticals for Human Use – ICH). [16] Международное общество фармакоэпидемиологии (International Society of Pharmacoepidemiology – ISPE), [17] действующее с 1984 г., и Международное общество фармаконадзора (International Society of Pharmacovigilance – ISoP), [18] созданное в 1992 г., – оказывают научную и образовательную поддержку в области контроля лекарственной безопасности; проводят фармакоэпидемиологические исследования для выявления лекарственно-обусловленных проблем после регистрации ЛП, результаты которых затем используются регулирующими органами различных стран для оценки соотношения польза/риск ЛП.

Конвенция по фармацевтическим инспекциям (Pharmaceutical Inspection Convention – PIC), основанная в 1970 г. Европейской ассоциацией свободной торговли (European Free Trade Association – EFTA), и Схема сотрудничества фармацевтических инспекций (Pharmaceutical Inspection Co-operation Scheme – PIC Scheme), созданная в 1995 г. (общая аббревиатура – PIC/S), способствуют взаимодействию между государствами и фармацевтическими инспекторами в области Надлежащей производственной практики (Good Manufacturing Practice – GMP) [12] с целью гармонизации требований к производству качественных и безопасных ЛП.

Если резюмировать основные направления деятельности регулирующих органов по контролю лекарственных средств, дополнительных институтов/учреждений и международных организаций в области контроля лекарственной безопасности, то они сводятся, в основном, к разработке и гармонизации стандартов качества ЛП (в том числе, на этапе их производства), унифицированных требований к проведению клинических исследований, регистрации ЛП, к организации пострегистрационных исследований; к изданию различных руководств и рекомендаций по сбору информации о негативных последствиях применения ЛП. Проводятся также фармакоэпидемиологические исследования; различные мероприятия в области контроля лекарственной безопасно-

сти (принимаются Стратегии по ЛП, формируются Списки запрещенных, или ограниченных к применению ЛП и т.п.); осуществляется информационная (конференции, симпозиумы) и образовательная (тренинги, обучающие семинары) активность. Поскольку в процесс выявления негативных последствий применения ЛП и в обмен полученной информацией вовлекается широкий круг заинтересованных сторон (государственные органы по контролю за ЛП, научное сообщество, фармацевтические производители, организации пациентов), то международные организации также способствуют созданию условий для реализации эффективных коммуникаций между всеми участниками процесса по контролю лекарственной безопасности.

Список литературы:

1. Белоусов Ю.Б. Этическая оценка методик проведения исследований // Библиотека Consilium medicum. 2005. Т. 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.consilium-medicum.com/media/book/05_01/9.shtml.
2. Культура безопасности лекарственной терапии. // Хохлов А.Л., Яворский А.Н., Игнатьев В.С., Синицина О.А., Степанов И.О., Воронина Е.А., Мельникова Ю.Е. Ярославль: Ремдер, 2011. 156 с.
3. Лопухин Ю.М. Биоэтика в России // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71. № 9. С. 771-774.
4. Постановление Правительства РФ от 26.04.2012 № 403 «О порядке ведения Федерального регистра лиц, страдающих жизнеугрожающими и хроническими прогрессирующими редкими (орфанными) заболеваниями, приводящими к сокращению продолжительности жизни граждан или их инвалидности, и его регионального сегмента» (вместе с «Правилами ведения Федерального регистра лиц, страдающих жизнеугрожающими и хроническими прогрессирующими редкими (орфанными) заболеваниями, приводящими к сокращению продолжительности жизни граждан или их инвалидности, и его регионального сегмента») // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2428.
5. Рекомендация Совета Европейского Союза «О деятельности в области редких болезней» (2009/С 151/02) [рус., англ.] (Принята

в г. Люксембурге 08.06.2009).

6. Руководство по организации системы мониторинга безопасности лекарственных средств (фармаконадзора) в компаниях производителях лекарственных средств или держателях регистрационных удостоверений (Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития) от 05.10.2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.roszdravnadzor.ru/i/upload/files/1297630679.43081-2828.pdf>.

7. Устав (конституция) Всемирной организации здравоохранения (Нью-Йорк, 22 июля 1946 года). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf>.

8. Федеральный закон 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

9. Юргель Н.В., Хубиева М.Ю., Ушкалова Е.А., Власов А.М., Глаголев С.В. Система фармаконадзора в Российской Федерации: итоги 2009 г. // Вестник Росздравнадзора. 2010. № 2. С. 20-28.

10. Bruce C. Carleton, M. Anne Smith. Drug safety: Side effects and mistakes or adverse reactions and deadly errors? BCMJ, Vol. 48, No. 7, September 2006, page(s) 329-333.

11. Council Regulation (EEC) No 2309/93 of 22 July 1993 laying down Community procedures for the authorization and supervision of medicinal products for human and veterinary use and establishing a European Agency for the Evaluation of Medicinal Products. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/health/files/eudralex/vol-1/reg_1993_2309/reg_1993_2309_en.pdf.

12. Commission Directive 2003/94/EC of 8 October 2003 laying down the principles and guidelines of good manufacturing practice in respect of medicinal products for human use and investigational medicinal products for human use (Official Journal L 262, 14/10/2003 p. 22-26). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/health/files/eudralex/vol-1/dir_2003_94/dir_2003_94_en.pdf.

13. EMA/186974/2012. Patient Health Protection. New EU pharmacovigilance legislation – Key concepts. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ema.europa.eu/docs/en_GB/document_library/Other/2012/07/WC500129593.pdf.

14. Frank R. Ernst and Amy J. Grizzle. Drug-Related Morbidity

and Mortality: Updating the Cost-of-Illness Model. Journal of the American Pharmaceutical Association. March/April 2001 Vol. 41, No.2. PP 192.

15. Harald E. Heemstra, Thijs J. Giezen, Aukje K. Mantel-Teeuwisse, Remco L.A. de Vruueh and Hubert G.M. Leufkens. Safety-Related Regulatory Actions for Orphan Drugs in the US and EU A Cohort Study. Drug Saf 2010; 00 (0).

16. ICH Steering Committee Press Release. Evolving Science in Drug Safety and Quality, Brussels, Belgium, November 8–13, 2008.

17. International Society of Pharmacoepidemiology. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pharmacoepi.org/aboutISPE/index.cfm>.

18. International Society of Pharmacovigilance. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isoponline.org/index.php?page=national-chapters>.

19. Rawlings M.D. and Thompson J.L. Pathogenesis of ADR In: Textbook on adverse drug reactions. Oxford University Press, 1977. 10-31.

20. Rottenkolber D, Schmiedl S, Rottenkolber M, Farker K, Saljé K, Mueller S, Hippus M, Thuermann PA, Hasford J. Adverse drug reactions in Germany: direct costs of internal medicine hospitalizations. Pharmacoepidemiol Drug Saf. 2011 Jun; 20(6): 626-34.

21. The Importance of Pharmacovigilance - Safety Monitoring of Medicinal Products. World Health Organization 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://apps.who.int/medicinedocs/pdf/s4893e/s4893e.pdf>.

22. The Threat of False Friends. FIP/IFPMA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fip.org/files/static/FIP-IFPMA%20brochure.%20The%20threat%20of%20false%20friends.%20Joining%20efforts%20to%20protect%20patients%20against%20online%20sales%20of%20fake%20medicines.pdf>.

23. 2020 Vision - FIP's Vision, Mission and Strategic Plan. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fip.org/files/fip/strategic%20plan%20no%20annexes.pdf>.

24. WHO Policy Perspectives on Medicines – Pharmacovigilance: ensuring the safe use of medicines. WHO/EDM/2004.8.

25. WHO Drug Information Vol. 26, No. 4, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.who.int/medicines/publica->

tions/druginformation/issues/26-4.pdf.

26. Yellow Card Scheme. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yellowcard.mhra.gov.uk>.

ЛИТОВКИНА Маргарита Ивановна – аспирант, кафедра конституционного и административного права Российского государственного социального университета.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

К.В. Дядюн

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 145 УК РФ

Преступление, предусмотренное ст. 145 УК РФ, нарушает не только требования международных актов, императив Конституции, закрепленный в ст. 38, но и другие законодательные положения, в том числе основные принципы Трудового кодекса РФ. Вероятно, такое многообразие нарушений обуславливает сложности в определении непосредственного объекта рассматриваемого преступления. Одни авторы считают, что таковым является общественные отношения, обеспечивающие защиту материнства и детства [1, с. 115; 3, с. 342]. Другие – право на труд беременной женщины и женщины, имеющей детей в возрасте до 3-х лет [4, с. 282]. Третьи признают непосредственным объектом данного преступления отношения по поводу соблюдения конституционных гарантий права на труд [5, с. 607]. Представляется, что в каждой из изложенных позиций есть рациональное зерно, тем не менее, наиболее обоснованным видится последнее мнение, так как оно наиболее точно очерчивает круг общественных отношений, на которые посягает анализируемое деяние. Так, охрана материнства и детства – достаточно широкое понятие, которое не позволяет обособить существенные признаки данного конкретного деяния. Например, указанной группе общественных отношений причиняется вред и при совершении убийства беременной женщины, незаконном производстве аборта и др. Признание непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ права на труд специальной категории субъектов представляется более конкретизированным, однако такой подход не

подчеркивает существенность анализируемого преступного посягательства, нарушающего не просто трудовые права, но и требования Конституции, не учитывает системную структурированность уголовного закона, в котором рассматриваемое деяние расположено в главе «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Таким образом, родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие блага личности; видовым – конституционный принцип охраны материнства и детства; непосредственным – общественные отношения по поводу соблюдения конституционных гарантий в области социальных прав и свобод соответствующей категории субъектов.

Следующим моментом, заслуживающим рассмотрения, является вопрос о потерпевшем лице. В соответствии с диспозицией ст. 145 УК и в связи с широким толкованием понятия «женщина, имеющая детей» потерпевшими от этого преступления могут быть не только матери, но и любые женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет (в том числе усыновители и опекуны). В то же время некоторые исследователи [2, с. 15] считают необоснованным включение в круг потерпевших от рассматриваемого преступления приемных матерей, мотивируя это тем, что приемные родители состоят в договорных отношениях с органом опеки и попечительства, и получают вознаграждение за выполнение своих обязанностей по воспитанию ребенка. Поэтому право на труд приемной матери указанным договором уже реализовано. Такая позиция представляется не совсем обоснованной. Во-первых, договор о передаче ребенка на воспитание в семью имеет черты гражданско-правового договора об оказании услуг. Во-вторых, деятельность приемных родителей не должна рассматриваться единственно как источник получения доходов. В-третьих, подбор приемных родителей происходит на основе учета их личных, нравственных качеств (ч. 2 ст. 153, ч. 2 ст. 146 Семейного кодекса РФ), а не деловых и профессиональных как при оформлении трудовых отношений. Таким образом, в означенной деятельности отсутствуют признаки трудовой в общепринятом и законодательном смысле. Кроме того, приемные родители обладают правами и обязанностями опекуна (попечителя) (ч. 3 ст. 153 Семейного кодекса РФ), следовательно, признавая потерпевшими

по ст. 145 УК РФ опекунов и попечителей, разумно рассматривать в таком качестве и приемных родителей.

Также, следует отметить, что в Трудовом кодексе РФ предусмотрен более широкий круг лиц, на которых распространяются гарантии защиты от необоснованного отказа в приеме на работу и от необоснованного увольнения в связи с наличием детей. Так, помимо беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет, к указанной группе лиц относятся отцы, воспитывающие детей без матери, а также опекуны (попечители) несовершеннолетних; одинокие матери, воспитывающие ребенка в возрасте до 14-и лет (ребенка-инвалида в возрасте до 18-и лет), иные лица, воспитывающие указанных детей без матери (ст.ст. 64, 261,264 ТК РФ). В связи с тем, что норма ст. 145 УК РФ является по сути бланкетной, требующей учета соответствующих норм трудового законодательства, а также тем, что необоснованный отказ в приеме на работу/ необоснованное увольнение перечисленных лиц обуславливаются одинаковыми мотивами, видится целесообразным законодательно расширить перечень потерпевших от преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ.

Также, исходя из буквального толкования нормы, для применения соответствующих положений законодательства необходимо наличие у женщины двух и более детей в возрасте до 3-х лет. Хотя на практике достаточно наличия хотя бы одного ребенка соответствующего возраста. Во избежание разнотолков в правоприменении видится обоснованным изменить соответствующую формулировку, указав на факт наличия не «детей», а «ребенка» в возрасте до 3-х лет. Кроме того, представляется обоснованным изменить формулировку «женщина, имеющая ребенка». Более адекватной видится термин «женщина, воспитывающая ребенка». Очень часто встречаются ситуации, когда мать ребенка фактически не заботится о нем, при этом пользуется соответствующими гарантиями и льготами. Представляется справедливым и обоснованным предоставление предусмотренных законодательством гарантий только в отношении женщин, реально осуществляющих воспитание и содержание ребенка, уход за ним. Матери, не осуществляющие указанные функции, не вправе ссылаться на них как обоснование гарантий и, соответственно, причину дискрими-

нации. Подобные предложения встречаются в научной литературе [2, с. 15], представляются вполне логичными и обоснованными.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие основные выводы:

1) непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ выступают общественные отношения, обеспечивающие право на труд лиц с семейными обязанностями;

2) потерпевшими от рассматриваемого преступления должны признаваться: беременные женщины; женщины, воспитывающие ребенка в возрасте до 3-х лет; одинокие матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14-и лет (ребенка-инвалида в возрасте до 18-и лет); иные лица, воспитывающего указанных детей без матери, что следует отразить в диспозиции ст. 145 УК РФ;

3) необходимо внести изменения в название ст. 145 УК РФ в целях приведения в соответствие с нормами трудового законодательства и реализации задач, обусловивших введение уголовной ответственности за анализируемое деяние: «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лиц с семейными обязанностями».

Список литературы:

1. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовное право. Особенная часть. М., 2005. 704 с.

2. Качина Н.В. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины имеющей детей в возрасте до 3-х лет (ст. 145 УК РФ): обоснованность криминализации, оптимизация законодательного описания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. 20 с.

3. Комментарий к УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. 912 с.

4. Комментарий к УК РФ / под ред. В.В. Мозякова. М., 2002. 864 с.

5. Полный курс уголовного права в 5-и томах. Т. II. Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. 682 с.

ДЯДЮН Кристина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Владивостокский филиал Российской таможенной академии (ВФ РТА).

СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Сегодня Россия переживает последствия жестокого кризиса 2008, а о некоторых регионах нельзя сказать, что они полностью вышли из него. На 1 октября 2012 г. по сведениям организаций суммарная задолженность по заработной плате составила 2 234 млн.рублей [1]. За 2012 год получили жилье или улучшили свои жилищные условия 181 тысяча семей из 2 798 тысяч состоящих на учете в качестве нуждающихся [2]. Эти и многие другие факторы обуславливают необходимость участия прокурора в гражданском судопроизводстве, как возможность обеспечить реализацию своих прав социально-незащищенными категориями граждан.

Но участие прокурора в гражданском судопроизводстве всегда вызывало и до сих пор вызывает дискуссию среди ученых-правоведов и юристов-практиков. Одни настаивают на необходимости расширения полномочий прокурора в этой сфере его деятельности; другие предлагают исключить прокурора из числа участников гражданского судопроизводства или ограничить его участие в рассмотрении и разрешении судами гражданских дел, так как нарушаются принципы состязательности, диспозитивности, равенства сторон в гражданском процессе [3, с. 22]. Некоторые ученые обращают внимание на то, что в российском обществе на протяжении всей истории его развития приоритет отдавался не индивидуалистическим, а коллективистским ценностям, поэтому целью гражданского процесса при таких условиях является не только разрешение спора между сторонами, но и защита общественных интересов [4, с. 142]. Выразителем публичных и общественных интересов в рамках российского гражданского процесса всегда выступал прокурор, даже если он защищал частноправовой интерес. В каждый из периодов развития российского законодательства происходила переоценка форм и оснований участия прокурора в гражданском судопроизводстве.

Прокуратура в России была учреждена Указом Петра I от 12 января 1722 года, однако, полномочия прокурора в гражданском

процессе более четко были обозначены в ходе судебной реформы 1864 года. После принятия Судебных уставов функция прокурора заключалась в ходатайстве по определенным делам и трансформировалась затем в функцию по даче заключения по делу. Уже тогда подчеркивалось, что прокурор обязан одинаково защищать не права лиц или ведомств, а самую силу закона и только в том смысле, в коем судья по своему значению в состязательном процессе не имел бы права сделать непосредственно от себя какого-либо указания. Прослеживался важный сейчас принцип: прокурор – участник именно состязательного процесса и не наделен какими-либо преобладающими правами по отношению к другим его участникам. Именно этот подход является актуальным и современным в осуществлении функций прокурора в гражданском судопроизводстве, в котором принцип состязательности – один из главных.

Весьма характерно, что, как и сейчас, в соответствии с судебной реформой 1864 г. весьма четко определялось, что прокуратура не должна вмешиваться в деятельность суда, ущемлять или ограничивать самостоятельность судей при принятии ими решений по рассматриваемым делам. Однако необходимо отметить, что такого важного права, как предъявление иска в дореволюционном гражданском процессе прокурору предоставлено не было. Тем не менее создание института прокурорского надзора должно рассматриваться в качестве одного из важнейших прогрессивных этапов на пути становления самой государственности.

На сегодняшний день правовое положение прокуроров регулируется Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», а их участие в гражданском судопроизводстве – Гражданским процессуальным Кодексом РФ. В соответствии с ФЗ «О прокуратуре» она осуществляет надзор за исполнением законов различными органами, соблюдением прав и свобод человека и гражданина на территории Российской Федерации. В соответствии со статьей 45 ГПК РФ за прокурором сохранилось право обращения в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными

правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов.

История, в основном, развивается по спирали и, исходя из существующих правовых построений судопроизводства по гражданским делам различных периодов, можно отметить, что прокурор в гражданском процессе приравнивается к положению представителя, но его участие в нем обусловлено необходимостью защиты публичного интереса. В связи с этим более корректным будет утверждение о том, что такое участие не является представительством в его классических процессуальных формах, а осуществляется в рамках общественно-социальной функции государства [5, с. 143]. Таким образом, функция прокурора по защите чужих прав и интересов сводится к его участию в гражданском деле, смысл и сущность которого также изменялись в зависимости от правовых установок в обществе, от того, какому частному юридическому интересу в определенный исторический промежуток времени государство и общество придавали публичное значение.

Список литературы:

1. О просроченной задолженности по заработной плате на 1 октября 2012 года // Федеральная служба государственной статистики. URL http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/223.htm (дата обращения 5.11.2012).

2. Предоставление жилых помещений // Федеральная служба государственной статистики. URL http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/jil-f/jkh46.htm (дата обращения 5.11.2012).

3. Гришин А.В. Об участии прокурора в гражданском процессе по делам о защите прав и законных интересов граждан // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 3-11. С. 21-25.

4. Томилов А.Ю. Пределы участия прокурора в гражданском процессе в защиту третьих лиц // Российский юридический журнал. 2006. № 2. С. 142.

5. Томилов А.Ю. Пределы участия прокурора в гражданском процессе в защиту третьих лиц // Российский юридический журнал. 2006. № 2. С. 43-49.

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ.

7. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

8. Тарусина Н.Н. Участие прокурора в судебном процессе по семейным делам: проблемный аспект // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2011. №4. С. 49-51.

9. Томилов А.Ю. К вопросу о роли прокурора в гражданском процессе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 4. С. 43-49.

ОВЧУХОВА Ольга Юрьевна – студент, юридический факультет, Национальный Исследовательский Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ ПРОЕКТА УК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Несмотря на рост преступлений в мире связанных с интернет, а это фишинги, нелегальные доступы к компьютерным сетям, мошенничества с интернет-аукционом, детская проституция, представленная на WEB-сайтах и т.п., в Республике Казахстан уголовная политика в борьбе с компьютерной преступностью строилась в своей основе в экономической сфере. Действующий УК Республики Казахстан 1997 г. в главе 7 «Преступления в сфере экономической деятельности» предусмотрел две нормы: ст. 227 «неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ» и ст. 227-1 «неправомерное изменение идентификационного кода абонентского устройства сотовой связи, устройства идентификации абонента, а также создание, использование, распространение программ для изменения идентификационного кода абонентского устройства», используя которые осуществляется борьба с преступлениями в сфере экономики с использованием высоких технологий. В Республике Казахстан, начиная с 2004 года, растет число таких зарегистрированных правонарушений. Статистика такова: 2004 год - 26, 2005 – 713, 2006 – 1437, 2008 – 1622, 2009 – 2196, 2010 – 2423. Такая тенденция сложилась за счет роста пользователей сети Интернет [1]. Параллельно с этим, наблюдается тенденция использования интернета в экстремистских целях. Проводимый в течение двух лет в Казахстане мониторинг 70 тысяч интернет ресурсов позволил выявить 550 сайтов экстремистского содержания, которые в судебном порядке были признаны незаконными и запрещены к распространению на территории страны. В связи, с чем Генеральная прокуратура Республики Казахстан выступила с предложением, ввести в новой редакции Уголовного кодекса Республики Казахстан главу 7 озаглавив «Преступления и проступки против безопасности информационных технологий». Об этом было заявлено ее представителем на международной конференции «Противодействие терроризму на современном этапе» [2].

Таким образом, предложение прокуратуры о введении в Особенную часть УК РК новой главы со специальными составами преступлений, по нашему мнению направлено и в том числе на борьбу с экстремизмом. К тому же в настоящее время в Казахстане наблюдается рост религиозного радикализма у определенной части населения [3], в появлении которого Интернет занимает важную составляющую. Из-за увеличения числа сетей и микро блогов распространение экстремистской идеологии в стране возрастает. О противодействии терроризму в сфере информационных технологий в 2010 году предупреждал Генеральный секретарь ОДКБ Н. Бордюжа [4].

Какие киберпреступления предусмотрели авторы в первоначальном варианте гл. 7? Это 10 составов: ст. 220 «Нарушение правил эксплуатации информационных систем, электронных информационных ресурсов или информационно-коммуникационных сетей», ст. 221 «Несанкционированный доступ к информации», ст. 222 «Незаконная модификация информации», ст. 223 «Компьютерный саботаж», ст. 224 «Неправомерное завладение информацией», ст. 225 «Принуждение к передаче информации», ст. 226 «Создание, использование или распространение вредоносных компьютерных программ и программных продуктов», ст. 227 «Неправомерное распространение электронных информационных ресурсов ограниченного распространения», ст. 228 «Предоставление услуг для размещения интернет-ресурсов в противоправных целях», ст. 229 «Неправомерное изменение идентификационного кода абонентского устройства сотовой связи, устройства идентификации абонента, а также создание, использование, распространение программ для изменения идентификационного кода абонентского устройства». Сравнительный анализ показал, что в перечисленных преступлениях имеют место и те, которые обозначены в Соглашении о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Минск, 1 июня 2001 г.). В Модельном Уголовном кодексе для государств-участников Содружества Независимых Государств (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, 17 февраля 1996 года) (с изменениями от 3 декабря

2009 года) присутствует гл. 30 «Преступления против информационной безопасности», с 7 составами преступлений: «Несанкционированный доступ к компьютерной информации», «Модификация компьютерной информации», «Компьютерный саботаж», «Неправомерное завладение компьютерной информацией», «Изготовление и сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети», «Разработка, использование и распространение вредоносных программ», «Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети». Таким образом, в Концепцию проекта УК РК имплементированы практически все киберпреступления признанные региональным международным сообществом. Однако под иным названием главы Особенной части УК РК: «Преступления и проступки против безопасности информационных технологий» вместо заголовка гл. 30 Модельного УК для государств-участников СНГ. Такой подход, по нашему мнению верен, так как информационная безопасность широкое понятие, включающее в себя не только преступления в сфере информационных технологий, но и преступления с использованием компьютерных технологий. Речь в новой главе УК РК идет как раз таки о посягательствах на собственно информационные технологии (методы, производственные процессы и программно-технические средства, объединенные в технологический комплекс).

Наиболее существенным признаком преступлений, их качественной характеристикой является объект преступлений. Классификация по родовому объекту – это системообразующий фактор совокупности норм Особенной части УК РК. Следовательно, компьютерные преступления должны конструироваться на основе специфических признаков их родового объекта, в качестве которых указаны «преступления и проступки против **безопасности информационных технологий**», что и сделали разработчики Концепции проекта УК РК. Таким образом, общественные отношения, которым причиняется вред при совершении компьютерного преступления, складываются по поводу «информации, которая обрабатывается электронно-вычислительными машинами, системами или компьютерными сетями» [5].

Указанную главу предлагаем включить в качестве дополнения в действующий УК РК 1997 года. Считаем, что довод составите-

лей Концепции проекта нового УК Казахстана в части многочисленных изменений и дополнений в действующем УК РК 1997 г. как одно из оснований к принятию нового УК РК не состоятелен. К месту привести слова проф. Л.В.Головки «в высшей степени наивно полагать, что новый кодекс останется более или менее стабильным на протяжении хотя бы 10 или 15 лет» [6].

Статья «компьютерный саботаж» (ст.223 Концепции проекта УК РК в первоначальной редакции) включала: «умышленный ввод, передача, изменение, уничтожение компьютерных данных или компьютерных программ или другое вмешательство в компьютерные системы с целью воспрепятствовать функционированию компьютера или телекоммуникационной системы». В качестве альтернативы предлагается: «**Компьютерный саботаж.** Умышленное разрушение, повреждение, приведение в непригодность установки для обработки данных или носителя данных, которые имеют существенное значение для чужого предприятия, чужой коммерческой или иной организации, государственного органа». Такая формулировка более понятна и не создаст сложность при установлении признаков объекта и объективной стороны компьютерного саботажа. Данный вид преступления необходимо оставить в Концепции в связи с рекомендацией Модельного УК и принимая во внимание, Кодификатор киберпреступлений Интерпола, так как в исправленном варианте Гл. 7 «Уголовные правонарушения против безопасности информационных технологий» он был составителями исключен [7].

Список литературы:

1. Источник: kzinform.com.ru/press/20110919/03087.html [1].
2. В Казахстане предложили уголовно наказывать за киберпреступность//http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/v-kazahstane-predlozili-ugolovno-nakazyivat-za-kiberprestupnost-223903/ [2].
3. Источник: altyn-orda.kz/news/kazaxstanskije-novosti/v... [3].
4. Источник: i-news.kz/news/2012/09/20/6627377.html [4, 5].
5. Головки Л.В. Анализ Концепции проекта Уголовного кодекса Республики Казахстан//Право и СМИ Центральной Азии//<http://medialaw.asia/posts/20-03-2012/58777.html> [6].
6. Досье ITS на проект Уголовного кодекса Республики Казах-

стан (новая редакция) (на 10 января 2013 года)//
<http://online.zakon.kz/> [7].

САМАЛДЫКОВ Максут Кошекович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Казахский Национальный университет имени им. Аль-Фараби.

ПРОБЛЕМА КОРРУПЦИИ И ПУТИ ЕЕ ЛИКВИДАЦИИ

А.В. Лепешкина, О.С. Пустошинская

К ВОПРОСУ ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ НАУКАХ

В статье проводится обзор различных научных подходов к исследованию феномена коррупции. Внимание акцентируется на политологическом направлении, в котором выделяется множество методологических принципов теоретического анализа различных аспектов обозначенного явления.

Ключевые слова: *коррупция, подходы к осмыслению феномена коррупции.*

Изучение коррупции имеет практическое и теоретическое значение в силу масштабного распространения во многих странах, в том числе современной России, теневых практик политико-административного взаимодействия. Ситуация усугубляется тем, что данное явление эволюционирует, его проявления приобретают все более завуалированные формы, сложные для идентификации в правовых источниках и квалификации в юридической практике. Нередко в социальной системе наблюдается адаптация к обозначенной девиантной модели поведения.

Однако коррупция выступает серьезным барьером на пути прогрессивного развития общества, что требует не только формирования органами власти формально-правового пространства противодействия, но и создания механизмов участия институтов гражданского общества в антикоррупционных программах, изменения в целом коллективного сознания. Эффективная борьба с этим негативным явлением невозможна без научного осмысления его природы, условий возникновения и последствий.

В научной литературе существует методологическое разнообразие подходов к экспликации данного феномена, предлагаются

различные трактовки понятия.

Так, в рамках юридической науки коррупция определяется как преступная деятельность в сфере политики или государственного управления, заключающаяся в использовании должностными лицами доверенных им прав и властных возможностей для личного обогащения [1, с. 2; 5, с. 34-35; 13, с. 11-12; 15, с. 344]. Социологи, рассматривая явление, относят его к использованию неформальных связей и отношений при решении политических, государственных и муниципальных проблем в личных или корпоративных интересах. Речь идет о фаворитизме и клиентелизме, получивших распространение в области принятия кадровых решений, связанных как с назначением на должность, так и последующим патронажем, продвижением по службе, поощрением, покровительством [4; 8; 9, с. 332]. В свою очередь, в рамках экономического подхода внимание акцентируется на деструктивном характере коррупции, блокирующей прогрессивное социально-экономическое развитие общества. Причины усматриваются в теневых экономико-административных взаимодействиях. При таком понимании коррупцией считается деятельность должностных лиц государственного или муниципального управления и бизнеса, приносящая потери финансовых и других ресурсов как для граждан, местных сообществ, предприятий, так и государства в целом. Опасность тех или иных коррупционных практик чаще всего оценивается по уровню материальных убытков, возникающих вследствие искажения финансовых схем, фальсификации соответствующих документов и присвоения денежных средств, имущественных объектов, ценностей и/или права на них [3; 7, с. 68].

Большое значение для осмысления феномена и разрешения вопроса о противодействии коррупции представляют разработки в рамках политологического направления. Политологи исследуют коррупцию преимущественно в контексте вопроса о власти, нарушении эффективности системы государственного или муниципального управления в результате того, что личные или корпоративные интересы начинают доминировать над государственными и общественными. При этом авторы, руководствуясь различными методологическими принципами, акцентируют внимание на определенных аспектах изучаемого явления.

Например, представители неоинституционального подхода сосредотачиваются на анализе фактора институциональной среды, обуславливающей структуру транзакционных издержек в системе взаимодействия представителей власти и общества. Коррупцию в данном случае понимают как способ легитимации власти в ситуации институциональной дисфункциональности, сопровождающейся кризисом культуры, девальвацией духовных ценностей, правовым нигилизмом и доминированием силы в общественных отношениях [17, с. 17]. В более узком смысле ее рассматривают как разновидность оппортунистического поведения государственных служащих, возникающего вследствие высокого уровня асимметрии между гражданами, обладающими ограниченными возможностями контроля за деятельностью чиновников, и последними, заинтересованными в безусловной свободе действий [2, с. 4].

В рамках теории игр предлагают интерпретировать феномен коррупции В. Петченко и Г. Сатаров. Объектом их внимания становится избирательный процесс. В целом, коррупция определяется авторами как неправовой обмен ресурсами в целях завоевания и удержания власти. В нем участвуют такие игроки, как электорат, кандидаты, агенты политико-административного влияния, наблюдатели, представители СМИ и финансово-экономических структур. Каждый из них выполняет свою роль, имеет функции и обладает каким-либо капиталом: финансами, людскими ресурсами для проведения отдельных мероприятий и программ, возможностью распространения материалов через различные каналы коммуникации и получения компромата, а также легитимным правом принимать общезначимые решения [16].

С несколько иной позиции, однако в рамках игрового подхода, рассматривают коррупцию И. Добренёв и Н. Исправникова. В центре внимания исследователей – стратегии игроков, стремящихся к достижению центральных позиций в политическом пространстве. Среди них авторы выделяют «захват государства» и «захват бизнеса». В первом случае бизнес стремится к установлению теневого контроля за принятием политических решений на высших уровнях власти, во втором – представителями истеблишмента обеспечивается доминирование над бизнесом с целью коллективного и индивидуального извлечения административной

ренты [10, с. 72].

В контексте видения вопроса о роли коррупции в социально-политической жизни функционалисты склоняются к ее частичному оправданию. Так, М. Вебер рассматривает коррупцию как механизм снятия напряженности между нарождающимися и устаревшими нормами. Им делается вывод о приемлемости рассматриваемых практик при условии, что они усиливают позиции элит, гарантирующих ускорение происходящих в обществе изменений. Выполнив свои политические и экономические функции, коррупция исчезает [6, с. 644-647]. Последователи М. Вебера считают, что коррупция способствует перераспределению ресурсов старой элиты в пользу новой, что позволяет избежать прямого столкновения между ними. В этом ракурсе она воспринимается как рациональная альтернатива вооруженной борьбе за власть [14].

Как мера социальной неэффективности коррупция оценивается представителями системного подхода. Она трактуется в терминах дефекта, энтропии системы. В качестве доказательства приводится тот факт, что уровень коррупции в разных странах коррелирует с показателями оптимальности и сбалансированности функционирования экономической, социальной и политической сфер. Более того, частные проявления коррупции выступают индикаторами политико-административной неэффективности в конкретных зонах регулирования взаимоотношений, прежде всего, точках соприкосновения между властью и обществом [11; 12, с. 107-108].

Таким образом, существует множество аргументированных подходов к осмыслению феномена коррупции и отсутствует общепринятое определение обозначенного понятия. Подобное разнообразие обусловлено сложностью самого объекта исследования, находящегося в перманентном процессе эволюционирования, а также методологическими позициями авторов, принадлежащих к различным научным школам. Тем не менее, созданная теоретическая база служит основанием для создания политико-правовых условий, обеспечивающих ограничение проявлений рассматриваемого деструктивного феномена.

Список литературы:

1. Александров С.Г. Юридическая дефиниция «коррупция»: понятие, особенности методологического познания // История государства и права. 2007. № 11. С. 2-15.
2. Бейли Д. Активные меры против коррупции в полиции. М.: ВЦП, 1990. 344 с.
3. Бондаренко И.А. Коррупция: экономический анализ на региональном уровне [Электронный ресурс]. URL: <http://exsolver.narod.ru/Artical/Govertheory/corruption.html>. (дата обращения: 09.01.2013).
4. Брянецв И.И., Баранова Л.К. Коррупция как форма теневого лоббизма [Электронный ресурс]. URL: <http://2008.isras.ru/files/File/Vlast/2008/03/Korruptsiya%20kak%20forma.pdf> (дата обращения: 09.01.2013).
5. Ванцев В.А. Основные этапы развития понятия коррупции // Следователь. 2006. № 8. С. 21-38.
6. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 718 с.
7. Григорьев Л.М., Овчинников М.А. Коррупция как препятствие модернизации // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 62-75.
8. Демьянов Е.А. Коррупция как социальная патология [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210075624.pdf (дата обращения: 09.01.2013).
9. Джерри Д. Большой толковый социологический словарь. Том 1. Пер. с англ. М.: АСТ, 2001. 544 с.
10. Добреньков В.И., Исправникова Н.Р. Коррупция: современные подходы к исследованию. М.: МГУ, 2009. 208 с.
11. Епархина О.В. Коррупция: подходы к исследованию и практика противодействия в российских условиях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2011/sociol1.html> (дата обращения: 09.01.2013).
12. Ершов Ю.Г. Борьба с коррупцией: тупики и пороги // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития: Сборник статей по результатам Международной научно-практической конференции. Часть 1. Екатеринбург: УрАГС, 2009. С. 105-108.
13. Ипполитов К.Х., Макаров В.Б. Принципы и основные на-

правления программы борьбы с коррупцией // Следователь. 2008. № 10. С. 10-15.

14. Кузнецов Е.И. Масштабы распространения коррупции в России [Электронный ресурс]. URL: http://sudanet.ru/Mashtaby_korr_v_rossii (дата обращения: 09.01.2013).

15. Кузнецова Н.Ф. Борьба с коррупцией в странах СНГ: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы». М.: Юристъ, 2001. 408 с.

16. Петченко В.А., Сатаров Г.А. Коррупция на выборах как биржа ресурсов [Электронный ресурс]. URL: http://www.democracy.ru/library/practice/media/rfelec_gor/page51.html (дата обращения: 09.01.2013).

17. Скоробогатый В.В. Дисфункции государственного управления и проблема коррупции // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития: Сборник статей по результатам Международной научно-практической конференции. Часть 1. Екатеринбург: УрАГС, 2010. С. 12-19.

ЛЕПЕШКИНА Анна Владимировна – студент, Тюменский государственный университет.

ПУСТОШИНСКАЯ Ольга Сергеевна – кандидат политических наук, Тюменский государственный университет.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В.Г. Филиппов

ЛИКВИДАЦИЯ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ

Одним из наиболее распространённых способов ликвидации коммерческих организаций является принудительная ликвидация, которая осуществляется на основании судебного решения по требованиям заинтересованных государственных органов, в большинстве случаев налоговых инспекций. При этом необходимо заметить, что число подобных исков значительно, а предусмотренные законом иные способы устранения нарушений не принимаются налоговыми органами во внимание и последние в большинстве случаев обращаются в арбитражные суды с требованиями о применении в отношении коммерческих организаций такой исключительной меры как ликвидация в принудительном порядке.

Коммерческая организация на основании абзаца второго п. 2 ст. 61 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) может быть ликвидирована по решению суда в следующих случаях:

- допущенных при создании организации грубых нарушений закона, если эти нарушения носят неустранимый характер;
- осуществления деятельности без надлежащего разрешения (лицензии);
- осуществления запрещённой законом деятельности;
- осуществления деятельности с нарушением Конституции Российской Федерации;
- осуществления деятельности с другими неоднократными или

грубыми нарушениями закона или иных правовых актов;
- в иных случаях, предусмотренных ГК РФ.

Проектом Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», [2] (далее – Проект поправок в ГК РФ) также сохраняются данные случаи в прежнем виде, за исключением некоторых уточнений. В частности, абзацем первым п. 3 ст. 61 ГК РФ в будущей редакции прямо установлен случай, что признание государственной регистрации юридического лица недействительной является основанием его ликвидации.

Арбитражными судами при вынесении решений о применении процедуры ликвидации коммерческих организаций в принудительном порядке, отмечается, что принудительная ликвидация является крайней мерой воздействия, а также исключительной мерой ответственности и формальный подход при рассмотрении подобных споров недопустим. [3] Например, как следует из материалов дела Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы № 18 по Самарской области обратилось в арбитражный суд с заявлением о ликвидации ООО «Вега-Инвест» с возложением обязанности по ликвидации на учредителя – ООО «ХК "Вега"» в связи с тем, что величина чистых активов ООО «Вега-Инвест» по итогам 2007 года, 2008 года и 9 месяцев 2009 года имеет отрицательное значение.

При этом заявитель отметил, что решение о ликвидации общества является единственно необходимым для защиты прав и законных интересов кредиторов и третьих лиц, так как при отрицательном значении стоимости чистых активов средств, полученных от продажи имущества общества, может не хватить для того, чтобы расплатиться со всеми кредиторами.

Суд, отказывая в удовлетворении исковых требований, отметил, что уменьшение чистых активов общества само по себе не влечёт незамедлительной ликвидации юридического лица, данное обстоятельство следует рассматривать как признак ухудшающегося финансового состояния организации, требующего принятия соответствующих мер.

Кроме того, суд пришёл к выводу о том, что поскольку прину-

дительная ликвидация юридического лица является мерой ответственности и формальный подход при рассмотрении споров о ликвидации юридических лиц недопустим, при заявлении требования о ликвидации юридического лица по основаниям, предусмотренным п. 2 ст. 61 ГК РФ, истец обязан доказать как факт осуществления ответчиком деятельности, так и факт наличия грубых нарушений закона и вину ответчика, с учётом того, что и неоднократные нарушения закона в своей совокупности должны быть настолько существенными, что решение о ликвидации является единственно необходимым для защиты прав и законных интересов третьих лиц. [4]

В целом заметим, что исходя из анализа судебной-арбитражной практики, можно прийти к выводу о том, что требования о принудительной ликвидации по мотивам осуществления коммерческой организацией деятельности с неоднократным и грубым нарушением закона, выражающегося в непринятии организацией своевременных и достаточных мер по обеспечению соотношения стоимости чистых активов и размера уставного капитала являются наиболее распространёнными среди рассматриваемых арбитражными судами дел о принудительной ликвидации коммерческих организаций, в том числе по искам налоговых органов. Суды при рассмотрении подобного рода споров приходят к одинаковому мнению о том, что уменьшение величины чистых активов, а также их отрицательное значение как нарушение закона и формальное условие ликвидации не носит неустранимого характера и соответственно не может повлечь применение к юридическому лицу такой меры ответственности как принудительная ликвидация. [5]

Стоит сказать, что и в законодательстве о коммерческих организациях также наметилась некоторая тенденция к тому, что уменьшение величины чистых активов по отношению к размеру уставного капитала не должно влечь только ликвидацию коммерческой организации. Так, согласно п. 6 ст. 35 Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 29.07.2012 г.) «Об акционерных обществах», [6] если стоимость чистых активов общества останется меньше его уставного капитала по окончании финансового года, следующего за вторым финансовым годом или каждым последующим финансовым годом, по окончании которых стои-

мость чистых активов общества оказалась меньше его уставного капитала общество не позднее чем через шесть месяцев после окончания соответствующего финансового года обязано принять одно из следующих решений:

- об уменьшении уставного капитала общества до величины, не превышающей стоимости его чистых активов;
- о ликвидации общества.

Следовательно, закон предоставил возможность акционерному обществу теперь не только принять решение о ликвидации, но и уменьшить размер уставного капитала, то есть право выбрать одно из двух решений.

Аналогичные правила установлены п. 4 ст. 30 Федерального закона от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.12.2012 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью». [7]

Непосредственно только решение о своей ликвидации в срок не позднее шести месяцев со дня окончания финансового года, согласно п. 11 ст. 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», общество должно принять в том случае, если по окончании второго финансового года или каждого последующего финансового года стоимость чистых активов общества окажется меньше величины минимального уставного капитала.

Проектом поправок в ГК РФ помимо уменьшения размера уставного капитала обществам предусматривается также возможность увеличения стоимости чистых активов до размера уставного капитала. Так, в соответствии с п. 4 ст. 99 ГК РФ в новой редакции, если по окончании второго или каждого последующего финансового года стоимость чистых активов общества окажется меньше его уставного капитала, общество обязано в порядке и в срок, предусмотренные законом, увеличить стоимость чистых активов до размера уставного капитала либо зарегистрировать уменьшение уставного капитала в установленном порядке. Если стоимость указанных активов общества становится меньше определённого законом минимального размера уставного капитала, общество подлежит ликвидации.

Отметим, что закрепление на законодательном уровне ещё одной альтернативной ликвидации меры как увеличение стоимости чистых активов общества, нацеленной на улучшение результатов его финансовой деятельности, следует признать обоснованным,

позволяющим принимать другие решения, не связанные с ликвидацией.

Таким образом, на основании проведенного нами анализа рассматриваемых арбитражным судами дел о принудительной ликвидации в связи с уменьшением стоимости чистых активов и изменений законодательства по этому вопросу, можно прийти к выводу о том, что связанные с этим нарушения закона не носят неустраняемого характера и соответственно не должны незамедлительно приводить к принудительной ликвидации коммерческой организации. Принудительная ликвидация по нашему мнению должна выступать только в качестве крайней и исключительной меры и применяться в тех случаях, когда исчерпаны другие, предусмотренные законом способы устранения имеющихся грубых и неоднократных нарушений закона.

В связи с этим полагаем, что такая позиция должна найти своё отражение в ГК РФ. Для этого п. 3 ст. 61 ГК РФ в новой редакции необходимо дополнить абзацем шестым следующего содержания: «Ликвидация юридических лиц в случаях, предусмотренных настоящим пунктом, является крайней мерой и применяется, когда исчерпаны другие, предусмотренные законом способы устранения нарушений».

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 30.12.2012 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (во втором чтении). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://komitet210.km.duma.gov.ru/site.xp/051054056124054053054.html>. (дата обращения: 10.02.2013 г.).

3. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14.01.2005 г., 30.12.2004 г. по делу № КГ-А40/12488-04 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»; Постановление Федерального арбитражного суда Вос-

точно-Сибирского округа от 11.09.2007 г. по делу № А58-8947/06-Ф02-5463/07. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»; Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.07.2012 г. № Ф03-2741/2012 по делу № А51-22619/2011 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 21.10.2010 г. по делу № А55-512/2010 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

5. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24.02.2009 г. по делу № А81-2433/2008. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2010 г. по делу № А56-28941/2009 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.12.2010 г. № 15АП-11771/2010 по делу № А53-13430/2010 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

6. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 29.12.2012 г.) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

7. Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.12.2012 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

ФИЛИППОВ Вячеслав Геннадьевич – соискатель кафедры гражданского и семейного права, Саратовская государственная юридическая академия.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ (ПОСРЕДНИЧЕСТВА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реализация судебной власти в Российской Федерации осуществляется через систему государственной юрисдикции, то есть специально созданной и финансируемой государством судебной системы, призванной осуществлять правосудие путем рассмотрения и разрешения дел в порядке гражданского, административного, уголовного судопроизводства [1]. Но защита нарушенных прав и охраняемых законом интересов в настоящее время возможна и вне государственной судебной защиты, а именно негосударственными формами разрешения конфликтных ситуаций, то есть альтернативной юрисдикцией. Среди альтернативных форм защиты прав и законных интересов важную роль играет такая форма, как медиация или посредничество. Термин «медиация» происходит от латинского «mediare» – посредничать [2, с. 78].

Мы считаем, что неизвестная для россиян медиация может оказать для гражданского общества значимую помощь в урегулировании конфликтов и выступить катализатором реформирования российской судебной системы посредством освобождения ее от несвойственных ей функций. Этим обусловлена актуальность рассматриваемой темы. Объектом данной работы являются общественные отношения, складывающиеся в процессе урегулирования споров в области гражданско-правовых отношений. Предметом является законодательство Российской Федерации в этой области. Актуальность исследования определила цель работы – рассмотрение медиации как досудебного способа разрешения конфликтов. Для достижения цели необходимо решить ряд важных задач:

1. изучить и проанализировать научную и учебную литературу по проблеме исследования;
2. рассмотреть проблемы применения института медиации в Российской Федерации;
3. систематизировать и обобщить существующие в специальной литературе, научных подходы к данной проблеме.

Процедуру медиации регулирует Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернатив-

ной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1]. Указанным законом процедура медиации условно делится на внесудебную, досудебную и судебную. В досудебном порядке – в случаях, предусмотренных законом, или на основании внесенной в договор или в иное юридически обязательное соглашение, заключенное между участниками спора, медиативной оговорки о необходимости урегулирования разногласий путем применения процедуры медиации; [2, с. 125]. Процедура медиации используется, как правило, при наличии соглашения о применении процедуры медиации, заключаемого сторонами до возникновения спора или после его возникновения. С участием медиатора можно урегулировать споры, возникающие, прежде всего, из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также споры, возникающие из трудовых и семейных правоотношений. [3, с. 89]. Традиционно медиация рассматривается как один из способов негосударственного (альтернативного) разрешения правовых конфликтов. При этом, несмотря на свои глубокие корни, процедуры медиации являются относительно новым в отечественной правовой науке явлением. Законодательство многих европейских государств допускает также участие нотариуса в примирительной процедуре в той или иной форме. При этом нотариальное удостоверение достигнутого сторонами соглашения способствует их исполнимости. Между тем статья 15 Закона допускает осуществление медиативной деятельности лицами, не имеющими юридического образования. Таким образом, закон допускает и регулирует не только профессиональную правовую медиацию, но и ее иные формы: психологическую, медицинскую или, к примеру, педагогическую и так далее. Такое положение представляется недопустимым ввиду невозможности адекватного правового регулирования некой универсальной медиативной деятельности посредством единого нормативного акта. [4, с. 22]. Положительным результатом деятельности посредника является заключение гражданско-правовой сделки, которая не может противоречить закону и должна быть действительной в контексте норм Гражданского кодекса Российской Федерации о требованиях к договорам. Между тем статья 15 Закона допускает осуществление медиативной деятельности лица-

ми, не имеющими юридического образования. Таким образом, закон допускает и регулирует не только профессиональную правовую медиацию, но и ее иные формы: психологическую, медицинскую или, к примеру, педагогическую и так далее. Такое положение представляется недопустимым ввиду невозможности адекватного правового регулирования некой универсальной медиативной деятельности посредством единого нормативного акта. Законодателю следовало бы распространить сферу действия Закона исключительно на область разрешения правовых конфликтов, указав, в частности, в качестве обязательного требования к медиатору наличие высшего юридического образования. Кроме того, полезным представляется разработка и утверждение Типовых правил проведения процедуры медиации, которая могла бы быть поручена Министерству юстиции Российской Федерации. Сомнение в части возможности реализации процедуры медиации вызывает пункт 2 части 6 статьи 15 Закона, согласно которому медиатор не вправе оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь. Но как, же при таких условиях возможно осуществление медиации? Ведь основная задача медиатора как раз и состоит в том, чтобы оказывать сторонам спора правовую и иную помощь в урегулировании конфликта. Медиация непродолжительна по сравнению с судебным производством, она дешевле судебных тяжб. Она справедлива, быстра, конфиденциальна, психологически комфортна, направлена на решение проблем, учитывает интересы всех сторон и обходится дешевле. В данном случае отмечается то, что было бы неплохо предусмотреть для медиативного соглашения возможность возбуждения приказного производства. Это бы серьезно подняло статус процесса медиации и решало бы основные задачи, возложенные на медиацию. А также Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не только не содержит определенных требований к процедуре медиации и медиаторам, но и не создает достаточную для функционирования института правовую основу и организационную структуру.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (медиатора)» // Консультант плюс: [справочно-правовая система].
 2. Комарова Ю.А. История института медиации // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 1. 79 с.
 3. Курасова Н. Медиация как способ разрешения домашнего конфликта. М.: ИЦ "Афина", 2008. 200 с.
 4. Иванова Е.Н. Медиация как альтернативный суду способ разрешения конфликтов. Развитие альтернативных форм разрешения правовых конфликтов: Учебно-методическое пособие. Часть 1. / Под общей ред. М.В. Немытиной. Саратов: СГАП, 2009. 267 с.
-

БЕЛЯЕВА Дарья Олеговна – студент, Гуманитарный институт, отделение НПО\СПО, Тюменский государственный нефтегазовый университет.

ФЛОРЯ Елена Александровна – преподаватель специальных дисциплин, Тюменский государственный нефтегазовый университет (*научный руководитель*).

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Н.Н. Палаксова, И.А. Владимиров

ПРАВО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Данная статья посвящена теме права землепользования, в которой описываются понятие и сущность права землепользования, права и обязанности отдельных субъектов землепользования. В данной статье указана проблема земельных отношений, которая заключается в разногласиях сторон пользования земельными участками, в использовании земель не в целях сельскохозяйственных нужд, и решение этой проблемы соответствующими органами.

Ключевые слова: *право землепользования, объект землепользования, субъекты землепользования, земельные отношения, владение, пользование.*

Актуальность данной темы в том, что в нынешней России земельный вопрос остается по-прежнему главным и первоочередным, так как Земельный кодекс РФ, принятый 25 октября 2001 году под № 136-ФЗ, сделал земельные правоотношения прозрачными, тем самым ослабил их правовое регулирование.

Право землепользования – это институт земельного права, который содержит правовые нормы по регулированию земельных отношений и использования земель. В данный институт включены нормы, определяющие условия, а также порядок предоставления земель, виды землепользования, права и обязанности землепользователей и основания возникновения и прекращения прав землепользования.

Право землепользования основывается на двух основных правомочиях – это владение и пользование земельными участками.

Субъектами землепользования являются физические лица (граждане) и юридические лица. Субъекты землепользования имеют право пользоваться землей и что с ней связано и расположено на ней. Землепользователи обладают теми же права, что и землевладельцы [1].

Но имеются некоторые отличия, например собственник земельного участка (землевладелец) в праве распоряжаться землей в отличии от землепользователя, который владеет землей на титуле пользования и несет обязанность пользования землей перед землевладельцем и государством.

Земельный участок имеет целевое назначение: используется для крестьянского хозяйства, жилищного строительства, предпринимательской деятельности и т.п. В зависимости от своего назначения, земельный участок фиксируется в документах, в которых удостоверяются права на землю для землепользователей.

За нарушение принципа целевого назначения земель законодательство устанавливает санкции, вплоть до изъятия земель.

Землевладельцы и землепользователи обязуются уплачивать земельный налог, минимальные ставки по которому устанавливают органы власти субъектов Российской Федерации. Ставки обычно определяются в рублях за единицу земельной площади и, прежде всего, зависят от категории, относимых земель и их местоположения.

Права и обязанности землевладельцев и землепользователей по использованию земель составляются в зависимости от назначения земельного участка. Имеют право:

1) использовать земельный участок, а также имеющиеся на нем полезные ископаемые, пресные подземные воды, обводненные карьеры в собственных нуждах; 2) возводить различные строения, здания и сооружения в соответствии с назначением земельного участка и с его разрешенным использованием с соблюдением требований;

3) проводить разнообразные мелиоративные работы, строить различные водные объекты в соответствии экологическими, строительными, санитарно-гигиеническими и иными специальными требованиями установленными законодательством [2];

4) производить засевание и посадку сельскохозяйственных культур, и пользование полученной сельскохозяйственной продукцией и доходами от ее реализации (если только он не передает земельный участок в аренду);

Собственники земельных участков и лица, не являющиеся собственниками земельных участков, обязаны:

1) использовать земельные участки с назначением и принадлежностью, относящиеся к определенной категории земель и использовать ее всеми разрешенными способами, при этом не наносящие вред окружающей среде, в том числе самой земле как природному объекту;

2) хранить специальные знаки (межевые, геодезические и другие), устанавливаемые на земельных участках;

3) осуществлять различные мероприятия по охране природных ресурсов (земель, лесов, водных объектов и других) и меры пожарной безопасности;

4) приступать к использованию земельных участков своевременно в случаях, если освоения земельных участков оговорены определенным сроком в договоре и своевременно производить платежи за землю;

5) при использовании земельных участков соблюдать требования экологических, градостроительных регламентов, строительных, противопожарных, санитарно-гигиенических и иных правил и нормативов;

б) не допускать деградацию, загрязнение, захламление и ухудшение плодородия почв на землях [1].

Источником права землепользования является законодательство, представленное нормативными правовыми актами, которые приняты уровнями государственной власти и местными органами самоуправления, которые регулируют земельные отношения.

При осуществлении прав на землю отдельными лицами возникают разногласия по поводу интересов границ, целей и характера пользования предоставленных им земельных участков. Тенденция развития промышленного строительства сводит все к тому, что под несельскохозяйственные нужды применяются земли сельскохозяйственного назначения. В настоящее время в России ежегодно площадь пашни на душу населения уменьшается. Прекратить это невозможно, так как промышленность возрастает, и

задача состоит в том, чтоб не допускать необоснованных изъятий сельскохозяйственных земель, так как нередко промышленные, строительные предприятия необоснованно посягают на земли крестьянских (фермерских) хозяйств и иных сельскохозяйственных организаций. Все это наносит большой ущерб всему народному хозяйству в целом. Возникновение земельных споров в настоящее время на прямую связано с необоснованным изъятием сельскохозяйственных земель для промышленного строительства, которые не связаны с целями сельского хозяйства.

Из выше сказанного можно говорить о нарушении одного из принципов права на землю - устойчивости. Данный принцип означает, что из субъектов права на землю никто не может быть лишен своего права на земельный участок.

Государственная власть и местные органы самоуправления должны разрешать земельные споры, при этом не допуская излишеств при изъятии сельскохозяйственных земель для пользования в других целях, не связанных с ведением сельскохозяйственного производства.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации: от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ [Электронный ресурс]: принят Гос. Думой 28 сентября 2001 г.: одобр. Советом Федерации 10 октября 2001 г.: (ред. от 04.03.2013): (с изм. и доп., вступающими в силу с 04.03.2013) // СПС «Консультант Плюс». Версия Проф.

2. О внесении изменений в Федеральный закон «О внесении изменений в водный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» [Текст]: федеральный закон от 14 июля 2008 г. № 118-ФЗ (в ред. от 18 июля 2011 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008.

ПАЛАКСОВА Нина Николаевна – студент экономического факультета Башкирского государственного аграрного университета.

ВЛАДИМИРОВ Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент факультета информационных технологий и управления Башкирского государственного аграрного университета.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

К.Л. Сазонова

ДЕЙСТВУЮЩАЯ СИСТЕМА УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОСНОВНЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ключевая задача Организации Объединенных Наций состоит, согласно ее Уставу, в «избавлении грядущих поколений от бедствий войны» [5]. Данная задача была сформулирована шестьдесят восемь лет назад, однако не утратила своей актуальности. Более того, сегодня мировое сообщество, в свете наличия оружия массового уничтожения и колоссальных накопленных объемов обычных вооружений, а также в контексте угрожающих диспропорций в экономическом развитии современных государств, особенно нуждается в четкой координации в сфере поддержания международного мира и безопасности.

Структура современной системы коллективной безопасности, на первый взгляд, достаточно проста. Устав ООН 1945 г. представляет собой фундамент системы действующего международного права, согласно которому Организация Объединенных Наций почти семьдесят лет является гарантом системы универсальной коллективной безопасности, объединяя под своей эгидой подавляющее большинство стран мира. Кроме того, существует понятие региональной коллективной безопасности как системы коллективных мер, применяемых государствами на региональной основе. В том случае, если ситуация не квалифицируется Советом Безопасности ООН как представляющая угрозу международному миру и безопасности, и при наличии очага напряженности, вызывающем беспокойство у стран-членов соответствующей ре-

гиональной организации, возможно привлечение военного контингента для нахождения его в данном очаге. Данный контингент может быть задействован и в том случае, если Совет Безопасности ООН посчитает, что в регионе возникла угроза миру и безопасности и примет решение о начале миротворческой операции. Можно также констатировать, что часто не собственно применение силы, но сама возможность и готовность ее применить могут оказать положительное воздействие на ситуацию. Тем не менее, представляется важным подчеркнуть, что начало любой миротворческой операции должно происходить только с санкции и под контролем Совета Безопасности ООН.

Однако эта несложная в теории и на бумаге схема вызывает массу вопросов и дискуссий, когда дело касается ее практической реализации в непростых реалиях современных международных отношений. Спорных аспектов настолько много, что разумнее выделить основные направления, по которым очевидно наличие определенных международно-правовых проблем, которые возможно разрешить только через интенсивное международное сотрудничество.

Во-первых, существует целый комплекс вопросов, связанных с нормативно-правовой базой сложившейся системы миротворчества. Это и вопросы правовых дефиниций, и проблемы толкования положений Устава ООН, и проблемы классификации миротворческих операций. В течение всего периода существования ООН, миротворчество оставалось одним из приоритетных направлений деятельности организации, при этом к настоящему моменту двумя основными формами миротворческой деятельности, при осуществлении которых возможно правомерное применение вооруженной силы, стали операции по поддержанию мира и операции по принуждению к миру. Однако, поскольку данные термины непосредственно не зафиксированы в Уставе ООН, возникают дискуссии относительно правомерности и механизма их проведения. Несмотря на то, что Устав ООН содержит положения, являющиеся правовой основой миротворческой деятельности, единый документ, в котором бы интегрировались концептуальные и практические аспекты проведения миротворческих операций ООН, в настоящее время отсутствует, хотя отдельные положения, касающиеся миротворчества, можно отыскать в различ-

ных документах ООН, принятых в разные периоды.

Следующую группу проблем можно обозначить как «взаимодействие ООН и региональных организаций в сфере поддержания международного мира и безопасности». В процессе практического миротворчества постоянно случаются конфликты между ооновскими операциями в «чистом» виде и теми, которые проводятся региональными структурами, среди которых особое место последние пятнадцать лет занимает деятельность Североатлантического альянса (НАТО). В рамках самого альянса наибольшее количество вопросы вызывают попытки США реализовывать посредством альянса свои внешнеполитические задачи. Можно условно разделить операции ООН по принуждению к миру на те, контингент которых в значительной части был представлен военнослужащими США, при незначительном участии военнослужащих из других стран (операции в Ираке 1991 г., Сомали 1992-1995 гг., Руанде 1993 г.), и те, миротворческий контингент которых был представлен войсками НАТО, при этом Североатлантический блок официально заявлял о своем участии в операции (операции в бывшей Югославии 1995 г., Афганистане 2003 г., Ливии 2011 г.). С правовой точки зрения первая категория операций представляет собой традиционные операции по принуждению к миру, а во втором случае речь уже идет о взаимодействии ООН с региональной организацией. Однако данная классификация позволяет лишь несколько упорядочить различные миротворческие операции, организационно-правовая основа которых имела достаточно эклектичный характер, правовые проблемы разграничения полномочий ООН и региональных структур данной классификацией не решаются.

В-третьих, относительно новой и малоизученной является группа правовых проблем, связанная с достаточно широким использованием ООН негосударственных военных и охранных предприятий и возникающие при этом вопросы пределов такого использования и вопросы ответственности. Необходимо отметить, что Комиссия ООН по правам человека в 2005 г. учредила Рабочую группу ООН по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. Собранные Рабочей группой материалы свидетельствуют, что «деятельность ча-

стных военных и охранных компаний и их сотрудников представляет собой «серую зону» международного права, которая Международной конвенцией о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г. конкретно не охватывается [4]. Российскими экспертами в 2008 г. был разработан вариант проекта Международной конвенции о частных военных и охранных предприятиях, однако в настоящий момент он так и остался на стадии проекта.

Важнейшая группа проблем – это проблема ответственности международных организаций за незаконное применение силы. Дело в том, что в международном праве до сих пор не решен вопрос об ответственности государств, соответственно, с международными организациями ситуация обстоит еще сложнее. Правосубъектность международных организаций хоть и не оспаривается, но отличается от правосубъектности государств, так как организации представляют собой все-таки производные субъекты права: «Субъекты права в любой правовой системе не обязательно идентичны по своему характеру и по объему своих прав; при этом их характер зависит от потребностей сообщества» [2]. Европейский Суд по правам человека в решениях по делам «Бехрами и Бехрами против Франции» и «Сарамати против Франции, Германии и Норвегии» 2007 г. указывает на тот факт, что «Организация Объединенных Наций есть межгосударственная международная организация, имеющая обособленную правосубъектность» [6], а кроме того, указано на недопустимость контроля Европейского Суда над действиями и бездействием государств-участников, регулируемых резолюциями Совета Безопасности, поскольку это означало бы вмешательство в исполнение основной миссии ООН по поддержанию международного мира и безопасности. В любом случае, вопрос ответственности международных организаций за применение силы остается открытым.

Следующая группа международно-правовых вопросов, связанных с системой универсальной безопасности - это проблема правомерного и неправомерного применения силы, которая сама по себе представляет целый пласт современного международного права. Конечно, особо острые дискуссии возникают относительно случаев применения силы такой авторитетной организацией, как ООН, так как это во многом определяет отношение мирового со-

общества к проблеме применения силы в целом: «применение вооруженных сил ООН или группой государств или отдельными государствами вне рамок ООН – все это, так или иначе, применение вооруженной силы одними государствами против других государств» [3]. Юристы, обеспечивающие правовую поддержку миротворческой деятельности ООН, вообще настаивают на необходимости сознательного отказа от применения силы, что, конечно, в условиях современных реалий является абсолютной утопией. Тем не менее, в этом отношении интересно выступление юрисконсульта ООН Х. Корелла в 2000 г. «Примат международного права и мандат Организации Объединенных Наций». В своем выступлении он говорит о том, что какие бы реалии не преподносила жизнь (терроризм, применение силы, агрессия и т.д.), задача ООН как основы современной системы коллективной безопасности все равно состоит в стремлении к идеальному, пусть и пока недостижимому варианту – примату права над силой: «одна из целей ООН заключается в том, чтобы внести вклад в утверждение примата права в международных отношениях» [1]. Одной из приоритетных задач Организации должно стать утверждение правомерности применения вооруженной силы только в форме коллективных действий для поддержания или восстановления международного мира и безопасности, предпринимаемым по решению Совета Безопасности ООН, и осуществлению права на индивидуальную или коллективную самооборону в ответ на вооруженное нападение.

Таким образом, можно констатировать, что, помимо того, что система универсальной коллективной безопасности в настоящее время сталкивается с целым рядом вызовов и угроз, существует также масса нерешенных вопросов международно-правового характера, которые нуждаются в обсуждении и разрешении.

Список литературы:

1. Выступление Х. Корелла «Примат международного права и мандат Организации Объединенных Наций»// Материалы конференции «Вступая в XXI век: к примату права в международных отношениях». М., 2 ноября 2000 г.
2. Консультативное заключение от 11 апреля 1949 г. о возме-

щении ущерба, понесенного на службе ООН // International Court of Justice Reports. 1949.

3. Малеев Ю.Н. Организация Объединенных Наций и применение вооруженной силы государствами («высокий идеализм» и реальность)//60 лет ООН. 50 лет Российской ассоциации содействия ООН. М., изд-во РУДН, 2006. с. 70.

4. Материалы Рабочей группы ООН по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение// <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet28ru.pdf>.

5. Преамбула Устава ООН <http://www.un.org/ru/documents/charter/preamble.shtml>

6. Решение Европейского Суда по правам человека «По вопросу приемлемости жалобы № 71412/01 «Ажим Бехрами (Agim Behrami) и Бекир Бехрами (Bekir Behrami) против Франции» и жалобы N 78166/01 «Ружди Сарамати (Ruzhdi Saramati) против Франции, Германии и Норвегии», Страсбург, 2007. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=44222>.

САЗОНОВА Кира Львовна – кандидат юридических наук, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

ПОДДЕРЖАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ И РОЛЬ СТАТЬИ 52 УСТАВА ООН В ЕГО ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Возможность разработки и подписания региональных соглашений или создания и существования региональных органов предусмотрено и допущено главой VIII Устава ООН. В связи с тем, что «ни Устав ООН, ни материалы Сан-Францисской конференции по принятию Устава ООН не содержат определений таких важных понятий» [1, с. 139], не проводят между ними четких разграничений и как следствие не выделяют их самостоятельные юридические признаки и, более того, что принципиально немаловажно, не предусматривают для каждого из них *в отдельности* конкретные механизмы взаимоотношений с ООН, есть веское основание утверждать, что под ними в объективном и взаимообусловленном смысле подразумевается «региональная система безопасности». Она соответственно понимается как «совокупность принципов и норм, а также структура, действующие в пределах определенного международным соглашением региона и регулирующие сотрудничество государств региона в области поддержания мира и безопасности» [1, с. 139]. Подобное определение, сформулированное Э.С. Кривчиковой, позволяет говорить о том, что термины «региональные соглашения» и «региональные органы (организации)» применительно к существу поддержания регионального мира и безопасности являются относительно индивидуальными и соотносятся как взаимодополняемые понятия. Исходя из этого оно может иметь в целом противоположное значение по отношению к высказанному в международно-правовой доктрине не менее обоснованному мнению Н.А. Ушакова о том, что в главе VIII Устава ООН прежде всего говорится о неких региональных соглашениях и затем уже другое дело – обособленно и широко о региональных органах [2]. Полагаем, что в таком именно собирательном смысле указанные понятия будут использоваться и применительно к процессу Совещания по взаимодействию и мерам доверия (СВМДА), осуществляемого в контексте реализации соответствующей инициативы Казахстана с марта

1993 г. в форме международной межправительственной региональной конференции с участием 22 азиатских государств и 10 наблюдателей.

Глава VIII Устава ООН, которая называется «Региональные соглашения», в аспекте изложенного в п. 1 ст. 52 указывает, что ООН «не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий» [3, с. 20]. Из содержания данной правовой нормы вытекает, что речь в ней идет не только о юридической возможности установления типичного по характеру взаимодействия «между универсальной организацией общей компетенции и региональными образованиями, имеющими такую же компетенцию, но ограниченному определенным районом» [4, с. 185], но и о том, что она применима только к тем региональным соглашениям или органам, «которые занимаются вопросами, относящимися...» исключительно «к поддержанию международного мира и безопасности» [4, с. 185], а не ко всем областям международного сотрудничества. Термин «поддержание» при этом понимается таким образом, что он по своему смысловому значению подразумевает, во-первых, необходимость или востребованность сохранения стабильной ситуации в том или ином регионе, а во-вторых, оказания помощи и содействия ООН в обеспечении состояния защищенности в этом определенном районе через соответствующую местную организацию в качестве опорного механизма.

Очевидно, что в этом смысле и СВДМА, позиционирующее себя как будущая региональная организация в контексте указанной главы, может стать крайне важной частью данной системы военно-политических по характеру отношений, хотя оно намерено, исходя из конечной цели, уделять внимание созданию и других, способствующих условиям мира и безопасности, дополнительных многосторонних гарантий. Сказанное тем самым подтверждает ту истину, согласно которой, как формально, так и фактически «всемирная безопасность немислима без региональной» [5, с. 69], т.к. «на глобальном уровне она может существовать только при условии ее обеспечения в различных регионах» [4, с. 69]. Во многих случаях это связано с тем, что «именно ре-

гиональные международные организации позволяют наиболее эффективно и оперативно согласовывать воли своих членов в различных регионах мира» [6, с. 3]. Общий вывод в итоге заключается в том, что в формировании системы международной безопасности, которое происходит и продолжается в настоящее время, «немаловажная роль отведена региональным организациям» [7, с. 604], способным осуществлять соответствующую п. 1 ст. 52 Устава ООН коллективную деятельность в пределах части пространства, обособленную в результате выделения у нее особых международно-правовых признаков.

Вместе с тем Устав ООН в рамках этого и последующих пунктов вышеуказанной статьи содержит необходимый минимум требований для таких региональных структур безопасности, которым последние должны соответствовать в своей деятельности. Обязательное соблюдение этих требований рассматривается в качестве основного принципа и правового основания функционирования подобных учреждений и признания их составными частями всемирной (всеобщей, глобальной) системы безопасности. Как нам представляется, требования эти не являются исчерпывающими, однако, несмотря на этот возможно восполняемый в будущем пробел, они тем не менее не подлежат расширительному толкованию: региональные соглашения или органы и их деятельность должны быть совместимы с целями и принципами ООН; члены ООН, заключившие такие соглашения или составляющие такие органы, должны приложить все свои усилия для достижения мирного разрешения местных споров при помощи этих региональных соглашений или таких органов до передачи этих споров в Совет Безопасности (п. п. 1, 2 ст. 52) [3, с. 20].

Проанализируем вкратце содержание этих требований.

Цели и принципы ООН закреплены в ст.ст. 1 и 2 Устава организации. По нашему мнению, в совокупности цели можно рассматривать как предмет стремления этой организации достичь конкретно определенных задач в необходимых направлениях. Следовательно, вторые, следующие за ними принципы должны рассматриваться как основополагающие (или общепризнанные) нормы, способствующие их реализации. Так в соответствии со ст. 1 ООН преследует следующие цели: «поддерживать международный мир безопасность...»; «улаживать или разрешать в соот-

ветствии с принципами справедливости и международного права международные споры или ситуации...»; «развивать дружественные отношения между нациями на основе принципа равноправия и самоопределения народов...»; «осуществлять многостороннее сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам... и быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей» [3, с. 8, 9]. Несмотря на то, что в рамках указанной статьи вышеперечисленные цели ООН обозначены как общие, они в то же время представляют собой довольно четко согласованную систему правовых норм, устанавливающих «... самые основы взаимоотношений всех ее членов» [8, с. 137] и имеют ключевое значение при определении ее компетенции и согласовании действий всех членов (участников) под руководством организации.

Для достижения указанных целей, как гласит ст. 2 Устава ООН, организация и ее члены действуют, в частности, «в соответствии с принципами суверенного равенства всех ее членов»; «добросовестного выполнения принятых на себя обязательств по Уставу»; «воздержания в международных отношениях угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН»; «оказания всемирной помощи Организации во всех ее действиях в соответствии с Уставом и отказа от помощи любому государству, против которого ООН предпринимает действия превентивного или принудительного характера» [3, с. 9].

И.И. Лукашук отмечал: цели и принципы Устава ООН, которые положены в основу мирового порядка, доказали свой непреходящий и универсальный характер [3, с. 492]. То, что они закреплены в одном, едином документе, вовсе не означает, что их нельзя было отразить и дальше развивать в других актах. Цели и принципы ООН были в последующем предусмотрены, в частности, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2734 (XXV) от 16 декабря 1970 г. «Декларация об укреплении международной безопасности», в Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международ-

ных отношениях от 18 ноября 1987г., в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г., в Декларации тысячелетия (Док. ООН A/RES/55/2) от 8 сентября 2000 г., в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 55/107 от 4 декабря 2000 г. «Содействие установлению демократического и справедливого международного порядка», в Итоговом документе Всемирного саммита от 15 сентября 2005 г. и в др. Однако не это обстоятельство является принципиально важным при определении их юридической природы. Следует отметить, что «содержание и направленность целей и принципов ООН... убеждает в наличии у этой организации» не только «...самостоятельной воли» [10, с. 411], но и необходимости полной совместимости с ними региональных соглашений и учреждений безопасности, поскольку она, т.е совместимость, предусмотрена Уставом ООН не столько как базовый критерий для их создания и функционирования, сколько и как главное условие признания последних в качестве правомерных (т.е. законных и легитимных одновременно) организаций. Как заявил в этой связи бывший Генеральный Секретарь ООН Б.Б. Гали, «...региональные соглашения или органы могут сослужить хорошую службу, если их деятельность будет предприниматься, таким образом, который совместим с целями и принципами Устава...» [11]. Более того, можно сказать, что совместимость с целями и принципами ООН определяет роль и место каждого из них в глобальной системе безопасности, характер взаимодействия с универсальной организацией, а также порядок подчиненности по отношению к этой организации. «Поэтому действия региональных организаций в сфере поддержания международного мира и безопасности...» действительно должны быть «совместимы с целями и принципами ООН», т.е. «не только не противоречить последним, но в своей основе с ними совпадать» [2]. В то же время, как это отмечается в п. 272 доклада Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам 2004 г., «их усилия не обязательно должны противоречить усилиям Организации Объединенных Наций и они не освобождают Организацию Объединенных Наций от ее главной ответственности за поддержание мира и безопасности» [12, с. 90]. Ключом, –

продолжается в документе, «является организация региональных действий в рамках Устава и целей Организации Объединенных Наций и любая региональная организация, с которой она работает, делали это более интегрированным образом, чем это было до сих пор» [12, с. 90].

Что касается другого требования, предусмотренного п. 2, а также п. 3 ст. 52 о необходимости мирного урегулирования споров, то здесь Устав ООН не предлагая и не раскрывая содержания определений, ограничил сферу деятельности последних мирным разрешением лишь «местных споров». Несмотря на такое различие полномочий между ООН и региональными органами, это требование распространяется не только на весь комплекс местных споров, но и местных ситуаций, которые как и первое понятие используются в Уставе ООН для квалификации конфликтных отношений, независимо от их предмета, времени и места возникновения, степени остроты и опасности для поддержания регионального мира и безопасности. При этом в ст. 52 говорится именно о местных спорах, под которыми, как это следует из уяснения подлинного намерения разработчиков Устава ООН и действительного смысла указанной статьи, принято понимать только споры в рамках одного регионального соглашения и любые споры между государствами-членами одного регионального органа, и таким образом, формально признанные разногласия между «государствами одного географического региона, не входящими в одну региональную систему безопасности, не являются «местными спорами» по смыслу ст.52» [13, с. 10]. Иначе «присвоить себе компетенцию разрешения споров между государством-участником и любым третьим государством означало бы для регионального органа претензию подменить собой всемирную организацию по поддержанию международного мира и безопасности в лице Организации Объединенных Наций» [2].

Самое главное в данном требовании – это то, что оно включает в себя обязанность государств по региональным соглашениям или органам решать споры *по существу*, и соответственно не оставлять их неразрешенными, воздерживаться от любых действий, которые могут их обострить, затруднить урегулирование, создать угрозу для поддержания мира и безопасности, а также нанести ущерб не только отдельным государствам, но и всем другим ос-

тальным участникам данных региональных соглашений или органов. В рамках рассматриваемой обязанности государства, заключившие региональные соглашения или составляющие региональные органы, располагают правом свободного выбора только конкретного средства мирного разрешения местных споров. К таковым, как это определено в ст. 33 Устава ООН, относятся: переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство и иные мирные средства [3, с. 16]. К иным мирным средствам можно отнести добрые услуги, механизм разрешения споров органами ООН, механизмы разрешения споров, предусмотренные специальными соглашениями [14, с. 304], в том числе и регионального характера. Среди последних можно отметить Межамериканский договор о мирном разрешении споров 1948 г. (Боготинский пакт), Европейскую конвенцию о мирном разрешении споров, принятую Советом Европы в 1957г., Конвенцию по примирению и арбитражу, заключенную в рамках СБСЕ/ОБСЕ 1992 г. и др.

Если учредительные или другие акты региональной системы безопасности не предусматривают для государств-членов обязательства разрешать возникающие между ними споры с ее помощью, то последние имеют право свободно выбирать любое мирное средство или любую мирную процедуру по своему усмотрению, в том числе исключительно и «иные мирные» или совершенно другие новые, особые, которые могут появиться в практике их взаимоотношений в рамках регионального образования, т.е. стороны могут на основе взаимного согласия прибегать к любому из этих перечисленных средств или процедур, но с учетом того, что любые споры, возникающие между ними, должны быть разрешены в соответствии с Уставом ООН и международным правом. Региональные же соглашения при этом не только не должны служить препятствием или барьером по предоставлению такой возможности для государств-участников, но и предусматривать обязательство об использовании всех внутренних средств, когда они применимы, избегая, таким образом, способов «немирного» урегулирования. Относительно последнего особо следует указать тот факт, что Генеральная Ассамблея одобряя своей резолюцией 37/10 от 15 ноября 1982 г. Манильскую декларацию о мирном разрешении международных споров, разработанную в соответст-

вии с Уставом ООН, содействовала закреплению в п. 13 раздела I этого документа нормы, согласно которой «ни наличие спора, ни безрезультатное применение процедуры мирного разрешения спора не дают права применять силу или угрозу силой ни одному из государств, являющихся сторонами в споре» [15, с. 422]. Данная норма, которая применима и к «местным спорам» в рамках региональной системы безопасности, соответственно не допускает «немирных оговорок» при их рассмотрении, и если даже они сопровождаются, по мнению или по вине спорящих сторон, с теми или иными непреодолимыми трудностями.

Обязанность разрешать «местные споры» мирными средствами включают в себя еще два дополнительных требования, а именно требование о скорейшем и справедливом разрешении спора «на основе неукоснительного выполнения временных рамок урегулирования, согласованных спорящими сторонами, а также требование о продолжении усилий по урегулированию, если взаимно согласованный способ урегулирования не принес положительных результатов» [16, с. 673]. Однако, и в этом случае сохраняются решающие полномочия Совета Безопасности расследовать любой спор, в том числе и местный, или любую ситуацию, которая, как гласит ст. 34 Устава ООН, «...может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию мира и безопасности» [3, с. 16]. Это означает, что согласно Уставу ООН расследование споров и ситуаций (в том числе местных, переданных в Совет Безопасности), продолжение которых могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, а также вынесение по ним решений и принятие соответствующих действий относятся только к компетенции Совета Безопасности и, никакой другой орган ООН – главный или вспомогательный, в частности Генеральная Ассамблея, Генеральный Секретарь и т.д., не наделен по Уставу ООН такого рода функциями. Из вышеизложенного также следует, что никакие региональные соглашения о методах мирного урегулирования споров не могут противоречить соответствующим нормам Устава ООН, закрепленным в ст.ст. 33-38 главы VI («Мирное разрешение споров»).

Обобщая содержание вышеизложенного необходимо еще раз

отметить, что в рамках региональных соглашений или региональных органов государства должны прилагать все усилия для мирного разрешения местных споров до их передачи в Совет Безопасности. Со своей стороны «Совет Безопасности должен поощрять развитие применения принципа мирного разрешения местных споров, при помощи таких региональных соглашений или таких региональных органов, либо по инициативе заинтересованных государств, либо по своей собственной инициативе» (п. 3 ст. 52) [3, с. 20]. Вместе с тем это вовсе не означает, что Совет Безопасности ООН не может на любой стадии спора провести расследование с целью определения, не угрожает ли продолжение спора поддержанию международного мира и безопасности.

Проанализировав п.п. 1, 2, 3 ст. 52 Устава ООН, которые как по общему смыслу, так и по направленности содержания имеют ясно выраженный региональный характер в области поддержания международного мира и безопасности, можно сделать в обобщенном виде *ряд нижеследующих выводов*. Они, следовательно, должны быть учтены и в рамках процесса СВДМА и служить основами для выработки рекомендаций, необходимых в деле становления и дальнейшего развития юридических и функциональных основ деятельности Совещания.

Прежде всего следует отметить, что в рамках главы VIII применительно к региональным соглашениям или органам Устав ООН не содержит общепризнанного международным сообществом государств юридического толкования этих понятий. За исключением доктринальных утверждений единообразно понимаемых определений указанных терминов, видимо, и не существует. В этом смысле «ссылки на позиции отдельных государств в момент выработки Устава ООН или в последующем мало что дают, кроме констатации существенных разногласий между ними» [2]. Но, тем не менее, мы придерживаемся такого подхода, согласно которому в главе VIII Устава ООН, в частности, в ст. 52 одновременно говорится о двух взаимосвязанных понятиях. Не случайно отмеченный раздел Устава организации носит наименование «региональных соглашений» подразумевая под ними не столько специальные международные договоры, сколько учредительные акты соответствующих региональных образований, которые на их основе могут быть наделены функциями и полномочиями, отно-

сящимися к поддержанию международного мира и безопасности. Далее Устав ООН предъявляет достаточно исчерпывающие, конкретно установленные требования не только к созданию, но и к функционированию региональных соглашений или органов, кроме того, признает таковыми только те международные договоры или организации, деятельность которых при всех обстоятельствах *действительно* совместима с целями и принципами всемирной организации. В свою очередь формальное осуществление требуемых действий не освобождает государств-участников или государств-членов от добросовестного выполнения обязательств по Уставу. Сообразовывая деятельность в соответствии с целями и принципами ООН, а также взаимодействуя с универсальной организацией, региональные соглашения или организации обеспечивают своим участникам или членам в совокупности права и преимущества, необходимые для поддержания мира и безопасности в определенных зонах юридической ответственности. Сказанное однако не означает, что региональные соглашения или организации, специализирующиеся на вопросах обеспечения безопасности (как, впрочем, и все другие аналогичные объединения государств по иным направлениям сотрудничества), являются вспомогательными структурами ООН: они создаются и функционируют фактически самостоятельно.

При этом важно заметить, что было бы более правильным говорить именно о целях и принципах ООН, а не о целях и принципах Устава ООН, т.е. о реально действующих, вполне точно определенных целях и принципах всемирной организации, закрепленных *в этом правовом акте, а не о целях и принципах этого отдельного акта*. Иными словами, об идентичных, но не совпадающих как с точки зрения значения, так и с точки зрения корректности понятиях, как это часто встречается, к сожалению, в преамбулах (текстах) договоров о региональных системах безопасности. Такая формулировка в целом характерна сегодня для аналогичных актов и многих других существующих региональных учреждений, и, что интересно, и для формирующихся в этом качестве образований, конкретнее для СВДМА. Декларация принципов, регулирующих отношения между государствами-членами СВДМА, принятая 14 сентября 1999 г., не является в этом смысле исключением. В преамбуле этого документа госу-

дарства-члены Совещания подтверждают «свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций» [17], уважают «двусторонние и многосторонние договоры, соответствующие принципам и целям Устава ООН...» (здесь, кстати, логически и юридически нарушен порядок приоритетности), считают необходимым развитие лучшего взаимопонимания и более тесных отношений между собой «во всех областях в соответствии с целями и принципами Устава ООН...» [17], в разделах IV и VIII документа они обязуются «защищать принципы Устава ООН...» [17] «действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН» [17] и т.д., в то время грамотнее было бы, как это четко и однозначно предусмотрено собственно в Уставе ООН, сформулировать в тексте Декларации предложения об уважении, подтверждении, обязательствах соблюдать или совершать те или иные значимые действия *в соответствии с преследуемыми Организацией Объединенных Наций целями и принципами, закрепленными в Уставе ООН.*

Согласно ст. 52 Устава ООН способы и методы разрешения «местных споров», необходимые для укрепления коллективной безопасности, определяются каждым региональным соглашением или региональным органом самостоятельно, но при условии, если ими будут приложены все усилия (использованы все средства) для их мирного урегулирования до передачи в Совет Безопасности. При этом в рамках регионального механизма речь, как правило, должна идти не только собственно о спорах, но и о ситуациях, которые употребляются в других статьях Устава ООН (п.1 ст.33, ст. 34) и которые также могут «привести к международным трениям или вызвать спор». Вместе с тем учитывая те факты, согласно которым перечень видов мирных средств разрешения споров и ситуаций, предусмотренных Уставом ООН не является исчерпывающим и в сущности остается традиционным, а некоторые из них признаются рекомендательными, а также не забывая то обстоятельство, что в своем нормативном и практическом развитии они не должны оставаться неизменными, в рамках той или иной региональной системы безопасности разрабатываются и принимаются соответствующие «местные акты».

Необходимость заключения подобного акта представляется поэтому целесообразной и в рамках сферы деятельности

СВДМА, который являясь всеобъемлющим международным договором, мог бы принимая во внимание отсутствие определений в Уставе ООН, *не только восполнить существующий пробел, но и конкретизировать понятие «местных споров или ситуаций» и их видов, а также с учетом особенностей региона закрепить собственную комплексную систему процедур урегулирования* возникающих между государствами-участниками разногласий в соответствии с требованиями того же Устава ООН. Особенно желательно, если такой договор, в отличие от действующих аналогичных соглашений, не будет ограничиваться только известными средствами мирного разрешения споров, в частности, перечисленными в ст. 33 Устава ООН, а предоставит спорящим сторонам свободу выбора из достаточно разнообразного и усовершенствованного списка средств. Это позволит укрепить в общем аспекте правовой регламентации происходящие процессы взаимодействия и мер доверия в Азии в направлении постепенного создания и юридического оформления отсутствующих постоянных механизмов мирного разрешения споров, а не ограничиваться лишь поисками так называемого политически «общеприемлемого» метода, что имело место в практике взаимоотношений государств-участников СБСЕ в период 1975-91 гг. и что *в принципе* свойственно в нынешнее время государствам Азии и АТР, не только как участвующим, так и не участвующим в процессе СВДМА, но и сотрудничающим между собой в рамках АСЕАН, АТЭС, ШОС, СААРК, ДАС и других региональных учреждений. Поэтому, наверняка, следует ожидать, что большинство из них будет против принятия юридически обязательного документа, аргументируя свои возражения в основном тем, что предусмотренная в нем «*общерегиональная система урегулирования споров и ситуаций*» дублирует уже существующие в международном праве механизмы и что они еще не готовы по разным объективным и/или субъективным соображениям признать международно-правовой характер обязательств в этой сфере. Не исключено также, что в силу сложившихся в течение длительного времени установок многие государства – участники и неучастники Совещания могут рассматривать обязанность разрешать свои споры в его рамках как абсолютно должное поведение. Тем не менее этот вопрос необходимо поднимать в контексте осуществляемой институциона-

лизации СВДМА, избегая при этом детальное обсуждение проблемы комплиментарности или субсидиарности, не характерной пока в общерегиональном масштабе для азиатской действительности. Заключение «местного акта» о мирных средствах в то же время не означает, что они «...должны превращаться из безусловного приоритета в единственный метод разрешения международных споров» [18, с. 3].

Список литературы:

1. Кривчикова Э.С. Международно-правовые основы европейской безопасности // Европейское международное право: Учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова, П.В. Саваськов. М.: Междунар. отношения, 2009. 408 с.

2. Ушаков Н.А. Правовое использование силы в международных отношениях // http://www.pravo.vuzlib.org/book_z747_page_12.html.

3. Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Колосов Ю.М. и Кривчикова Э.С.Т. 1. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. 864 с.

4. Мохаммад Т. Глобальная и региональная системы коллективной безопасности на современном этапе (международно-правовые аспекты). Дисс. докт. юрид. наук. СПб., 2004. 404 с.

5. Рахманов А.Р. Международно-правовые аспекты всеобъемлющей безопасности // Государство и право. № 2. 2003. С. 67-74.

6. Павловский В.В. Шанхайская организация сотрудничества: борьба с терроризмом. Основные тенденции развития // Закон и право, № 3. 2006. С. 3-5.

7. Gray C. The use force and the international legal order. // International Law (by M. Evans edition). Oxford press, 2006. 589-604 pp.

8. Бобров Р.Л., Малинин С.А. Организация Объединенных Наций (международно-правовой очерк). Л: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 83 с.

9. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов // И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 544 с.

10. Бекашев К.А. Право Организации Объединенных Наций. Специализированные учреждения ООН // Международное публичное право: Учебник / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекашев, Е.Г. Моисеев, В.В. Устинов [и др.]; отв.ред. К.А. Бекашев. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009.1008 с.

11. Гали Б.Б. Повестка дня для мира. Доклад Генерального Секретаря ООН. А/47/277-S/24411. 31 января 1992 г.

12. Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Док. Генеральной Ассамблеи ООН А/59/565+Corr/ 1/ 2 декабря 2004 г. // <http://www.un.org/russian/secureworld/part9.htm/>

13. Эмин В.Г. Региональные конфликты и международные организации. М.: Изд-во «Феникс», 1991. 74 с.

14. Кривчикова Э.С. Мирное разрешение международных споров // Международное право: Учебник. Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2000. 720 с.

15. Действующее международное право. Документы в 2-х т. Т.1. Составители Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Учебное пособие. Междунар. отношения, Юрайт-Издат, 2007. 768 с.

16. Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. М.: Книжный мир, 2010. 960 с.

17. Декларация принципов, регулирующих отношения между государствами членами СВДМА. Алматы. 14 сентября 1999 г. // Текущий архив Секретариата СВДМА.

18. Чижов П.В. Военные санкции в международном праве. Дисс. канд. юрид. наук, Казань, 2003. 208 с.

АМАНЖОЛОВ Жайсанбек Меирбекулы – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Казахского Национального университета имени Аль-Фараби.

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В XXI ВЕКЕ**

**Сборник материалов
I Международной научно-практической конференции**

Компьютерная верстка *Е. А. Мурзина*

Подписано в печать
Усл. печ. л. 6,25. Тираж 100 экз.
Заказ №

Отпечатано в ООО «Типография «Вертикаль»
424036, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Мира, 21

ООО «Коллоквиум»
424002, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Первомайская, 136 «А»-3.

ISBN 978-5-905371-43-1

Для записей